

ДМИТРИЙ ЯВОРНИЦКИЙ

ИСТОРИЯ

ЗАПОРОЖСКИХ

КАЗАКОВ

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ЗАПОРОЖЦЕВ
1686–1734

УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖЦЕВ В ПОХОДЕ
ЯНА СОБЕСКОГО НА МОЛДАВИЮ

ПРЕРЕКАНИЯ КАЗАКОВ С ГЕТМАНОМ МАЗЕПОЙ
И УСТАНОВЛЕНИЕ С НИМ ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ВТОРОЙ ПОХОД РУССКО-КАЗАЦКИХ ВОЙСК НА КРЫМ
ПОХОД ПЕТРА I НА АЗОВ

УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ
В ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

ПОД ГНЕТОМ КРЫМСКОГО ХАНА

Дмитрий Яворницкий

**История запорожских
казаков. Военные походы
запорожцев. 1686–1734. Том 3**

«Центрполиграф»

УДК 93/94
ББК 63.3

Яворницкий Д. И.

История запорожских казаков. Военные походы запорожцев. 1686–1734. Том 3 / Д. И. Яворницкий — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06628-2

XVII век ознаменовался непрерывной чередой измен, предательств и перебежек казачьих гетманов и шляхты вместе с войсками к разным участникам конфликта. Все большее значение стал приобретать казачий полковник Мазепа, который в 1685 году был избран гетманом. Казалось, ему удалось поставить казаков на службу новой империи. Однако закончилось все это чудовищной и вероломной изменой накануне Полтавской битвы. Мазепа сделал ставку на победу шведского короля. Эта роковая ошибка имела драматические последствия для всего днепровского казачества.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06628-2

© Яворницкий Д. И.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Яворницкий
История запорожских казаков. Военные
походы запорожцев. 1686–1734. Т. 3

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Предисловие

Третий том истории запорожских казаков написан автором при более благоприятных обстоятельствах, нежели второй: с начала весны 1894 года и до начала весны 1895-го автор имел возможность жить в Москве и пользоваться там не только печатными материалами, относящимися до истории запорожских казаков, но и весьма значительным количеством архивного богатства, находящимся в первопрестольной столице России. Таким образом, главным и наиболее ценным материалом для третьего тома истории послужили не изданные до сих пор документы, хранящиеся в трех московских архивах: Архиве Министерства иностранных дел, Архиве Министерства юстиции и Отделении архива Главного штаба. Кроме материалов московских архивов, автор пользовался также некоторыми документами Архива коронного скарба, при варшавской казенной палате, писанными на польском языке. Ввиду ценности архивных материалов и ввиду того, что они не изданы и, может быть, весьма не скоро дождутся издания в свет, автор нашел нужным менее важные из них пересказывать собственными словами, более же важные приводить целиком. Третий том обнимает собой период времени с 1686 по 1734 год и касается таких событий, как походы запорожцев вместе с русскими войсками на Крым; участие их в походах Петра на турецкий город Азов; походы под турецкие городки, Тавань, Кизыкермень и другие, на низовье Днепра; участие в полтавском деле вместе с гетманом Мазепой; удаление в пределы Крымского ханства и, наконец, продолжительные и усиленные хлопоты их о возвращении из «мест агарянских» в родные места.

Глава 1

Участие запорожских казаков в походе польского короля Яна Собеского на Молдавию. Сношения московских царей с крымским ханом при посредстве запорожцев. Предписание запорожскому войску от московских царей о совместном действии с воеводой Григорием Косаговым против турецких городков. Пререкания запорожцев с гетманом Иваном Самойловичем и недовольство чрез то на них со стороны московских царей. Грамота царей кошевому атаману Федору Иванику с воспрещением сноситься с жителями турецких городков и с приказанием подписываться «подданными царского величества». Участие запорожцев в первом походе русских на Крым. Действия запорожцев на низовьях Днепра против басурман под начальством кошевого атамана Филона Лихопоя. Возвращение русско-казацких войск из крымского похода к реке Самаре. Лишение Самойловича гетманского уряда. Намерение московского правительства о построении укрепленных городов на реках Орели и Самаре

Вечный мир, заключенный в 1686 году между Россией и Польшей и прекративший давно длившуюся обоюдную с той и другой стороны борьбу из-за обладания Правобережной Украиной, хотя и успокоил Россию на западной границе, зато привел ее к войне на южной: московское правительство, добыв чрез тот вечный мир Киев и вместе с Киевом некоторые другие, ближайшие к нему города, взамен того обязалось помогать польскому королю Яну Собескому в его борьбе с турками и с этой целью должно было открывать поход на Крымский полуостров.

Став в такое обязательство, московское правительство, по всегдашней своей осторожности, не сразу, однако, объявило разрыв Турции и Крыму и сперва вошло с ними в дипломатическую переписку. Эта переписка тянулась с весны 1686 года и до весны 1687-го.

Такая продолжительность переписки объясняется тем обстоятельством, что войну с Крымом и Турцией русские цари считали слишком важным предприятием и потому находили нужным серьезно приготовиться к ней. По-видимому, они не прочь были даже от того, чтобы поставить крымского хана и турецкого султана на мирную в отношении Польши ногу и заставить их без войны сделать уступку в пользу польского короля. Из Москвы в Крым и в турецкие на Днепре города отправлено было за это время несколько «любительных» грамот с претензией за обиды от подданных хана и турецкого султана подданным московских царей. Посредниками в доставке грамот одной и другой стороны были запорожские казаки.

Но одной доставки со стороны запорожцев царских грамот в Крым недостаточно было для Москвы: Москва, главным образом, надеялась на запорожцев как на военную силу, во многих отношениях незаменимую для предстоявшей с басурманами войны. Однако запорожцы вовсе не были склонны к тому, чтобы, так сказать, пойти в одну ногу с историей Москвы.

Между Кошем войска запорожских казаков и правительством московских царей уже в течение 30 предшествовавших лет сложились отношения, в силу которых запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положение. О равномерности сил в этой борьбе, разумеется, не могло быть и речи: запорожское войско от одного решительного прикосновения к нему московских войск сразу и навсегда перестало бы существовать. Но таких решительных мер Москва не могла предпринять в силу различных причин, не зависящих от нее. В этом отношении московское правительство находилось в полном смысле слова между двух огней. С одной стороны, оно не могло допустить рядом с собой такого явления, как община запорожских казаков, которая основана была на слишком широких народных началах, не слыханных ни в одной республике ни в древнее время, ни в Средние века. С другой стороны – оно находило весьма полезным для себя существование запорожского войска: при слабом экономическом развитии, при бедности в денежном и материальном отношениях и в то

же время при быстром политическом росте, который значительно опередил рост экономический, московское правительство не было в состоянии содержать постоянной и сильной армии для борьбы с многочисленными своими врагами, в частности для борьбы с мусульманами и потому, по необходимости, должно было прибегать к помощи запорожского войска, которое ничего почти не стоило московским царям и всегда готово было пойти на борьбу с врагами святого креста и всего славянского мира. Правда, московские цари из года в год посылали запорожцам известную казну; но, во-первых, эта казна слишком была невелика, каких-нибудь 2000 рублей или 500 червонцев на восемь или на десять тысяч человек; а во-вторых, присылка ее не была определена раз навсегда, как это видно из того, что о такой казне нужно было бить челом царям и ежегодно посылать депутатов в Москву и, несмотря на то, нередко не получать ее в течение двух-трех лет¹. Но запорожские казаки необходимы были Москве не только для борьбы против мусульман, они служили ей щитом и в ее борьбе против поляков: взяв в свои руки с половины XVII века Малороссию и весь ее, как тогда говорили, казакорусский народ. Москва вошла в многочисленные войны с Польшей, и в этом случае запорожцы существенно необходимы были для Москвы: они прикрывали южную границу Московского государства от басурман и давали возможность русским царям сосредоточить все боевые силы на южной границе для борьбы с польским королем.

Резкая противоположность между Запорожьем и Малороссией, с одной стороны, и Великороссией – с другой наиболее стала сказываться во второй половине XVII века. В течение всего этого времени в Московском государстве идет сильное развитие идеи государственности; в Запорожье и в Малороссии в это же время наиболее проявляется стремление к удержанию вековых прав и вольностей и, чрез них, к сохранению индивидуальности народа. Лучшей формой для сохранения индивидуальности южнорусского народа, по понятию малороссийской массы, считалось казачество. Оттого малороссийский народ впоследствии и изукрасил казаков всеми цветами народно-поэтического творчества; оттого и теперь народ в своих воспоминаниях о казаках ставит казака выше человека и приписывает ему сверхчеловеческие достоинства. Само казачество, в лице наиболее развитых политически людей времени, понимая вполне свою роль, стремится к тому, чтобы организовать из своей среды сильную общину и тем сохранить свои права, свои вековые вольности, а следовательно, чрез них и самую малороссийскую народность. Однако, при всем усилии малороссийских патриотов, они не могли достигнуть никаких положительных в своем стремлении результатов; в этом они встретили решительное противодействие со стороны московского правительства. Для достижения положительных результатов нужны были и время, и сильная организация в Малороссии и в Запорожье. Но московское правительство не могло допустить самостоятельной организации ни в Запорожье, ни в Малороссии, потому что всякая организация вообще, в частности и организация в запорожском войске, есть сила сама по себе; в сплоченной организации запорожское и малороссийское войско могло бы представить страшную силу, без организации – простую толпу. Оттого московское правительство зорко следит за каждым движением запорожских казаков в отношении проявления ими самостоятельной жизни и в мирное время не терпит их существования. Только в военное время оно прибегает к помощи запорожского войска и тут дает обещание сохранить за казаками и все их старые права, и все их казацкие вольности. Запорожцы понимают истинные отношения к ним московского правительства и, сколько возможно, силятся отстоять за собой существование своих прав и вольностей. Для этого они стараются пользоваться наиболее удобным для них случаем – войнами Москвы с враждебными ей соседями, главным образом с турками и татарами.

¹ В половине XVII в., перед крымским походом, московское правительство должно было выставить 60 000 ратных людей и назначить им, вместе с начальными людьми, 700 000–560 000 руб. Милюков. Государственное хозяйство России. СПб., 1894, с. 54.

Как бы то ни было, но ввиду похода на Крым Москва возлагала на запорожцев большие надежды и, прежде всего, постаралась воспользоваться ими как посредниками между Крымом и Москвой.

Готовясь к походу на Крым, Москва должна была прежде всего выискать повод для нарушения мирных отношений к Турции и Крыму. Таким поводом послужил захват мусульманами на южных окраинах России в полон христиан и нападения татар на запорожских промышленников в разных степных местах. С этой целью посланы были к «султанову величеству» подьячий Никита Алексеев и гетманский «посыльщик» Иван Лисица с просьбой об отпуске русских полоняников из турецкой неволи. К «ханову величеству» отправлены были избранные от запорожского войска. Последние должны были изложить хану жалобы за подданных царского величества, малороссийских жителей и запорожских казаков, которые, ходя для звериных и рыбных ловель пониже Кизыкерменского городка, терпят там, вопреки мирному договору и установленной шерти бывшего хана Мурат-Гирея с Москвой, великие обиды от татар; у таких промышленных людей татары не раз курени разгромяли, «животы» грабили и самих казаков в полон брали.

Крымский хан Селим-Гирей, по-видимому, еще не знал о состоявшемся между Польшей и Россией мирном трактате; если же и знал, то был не вполне уверен в том. Во всяком случае, получив жалобу от русских царей, хан отправил в Москву своего гонца Мубарекшу-мурзу Селешова с обширным к царям листом. Ханский гонец выехал из Бахчисарая в конце апреля месяца, прибыл в Севск в мае, был допущен к царям июля 3-го дня 1686 года. В ханском письме было сказано, что, по жалобе великих государей относительно притеснений и обид малороссийским и запорожским промышленным людям, Селим-Гирей отыскал и «высмотрел» список шерти бывшего Мурат-Гирея, ханова величества, и в том списке нашел статью, которая касается одних торговых людей, имеющих приходить в самый Крым или в другие государства через Крым для торговых дел. О таких людях сказано: обид им не чинить, пошлин с них не иметь, товаров у них даром не отбирать. Относительно же казаков, которые ходят для рыбных ловель, звериных промыслов и покупки соли на низовья Днепра, о том, чтобы с них никакой пошрины не брать, в той шертной грамоте не написано ничего. Однако хан «для умножения братской дружбы и любви» всем кизыкерменцам и собственным подданным «крепкий заказ» учинил, чтобы отнюдь с тех казаков, которые сухим и водным путем ходят для добычи не войной и не воровски, никаких пошлин не брать и обид им не причинять. А относительно разгрома казацких куреней, грабежа животов и захвата самих казаков в полон, то, по тщательному расспросу у кизыкерменцев и у ханских подданных татар, оказалось, что таких обид никому не было нанесено и что ни один человек из запорожских казаков не был взят в полон. Напротив того, во всем Крыму известно, что царские подданные, калмыки и донские казаки, не раз подбегали под Крым и немало причиняли в нем бед: пастухов татарских на степях разгоняли, лошадиные стада у них отбивали, по разным дорогам воровали и даже одного крымского посланца, ехавшего со многими людьми назад от султанова величества, побили и погромили. И татары «ради дружбы меж ханом и московскими царями тому казацкому дуровству терпят и противности им никакой не чинят». А еще раньше того донские казаки взяли под Черкасским городком Абдуагу и теперь «таят и мучат его у себя для того, чтобы он сулил за себя окуп большой». Да в шертных же крымских грамотах написано – быть хану другом для царского друга и быть ему недругом для царского недруга, так же поступать и царям, потому что кто царям друг, тот и хану друг, а кто хану недруг, тот и царям недруг, и это постановление нужно крепко с обеих сторон блюсти и достойно друг другу против всякого неприятеля помогать. Теперь, когда крымские войска пойдут против поляков, общих как для русских, так и для татар врагов, то и царям следует из ближних украинских или черкасских городов послать казаков для войны против общих врагов. А что до просьбы государей – позволить запорожцам, согласно грамоте султанова величества, вольно ходить для взятья соли к озерам близко Днепра, не брать

с них пошлин и не чинить никаких обид, то нужно, чтобы царские величества прислали ханову величеству список с той утвержденной султановой грамоты, и когда время собирания соли придет, то хан ради вечной дружбы и любви будет радеть о том, чтобы казакам вольно было соль на озерах иметь².

Когда ханский гонец находился еще в Москве, в это время там получилась весть о задержке московского подьячего Никиты Алексеева и гетманского посыльщика Ивана Лисицы в турецком городе Очакове и о приходе под город Керенск³ и под другие царского величества украинные города крымского Мамут-султана с воинскими людьми для взятия подлинной ведомости об учиненном русскими царями мире с польским королем и для подговаривания царского величества подданных татар. Ханский гонец, поставленный по этому поводу на допрос, дал такой ответ, что набег тот, вероятно, сделала купа своевольных людей, как делают такие же набеги донские и запорожские казаки на татар, и хотя хан много раз писал о том к государям в Москву, но управа и розыск тем людям и до сих пор не учинены. На то ханскому гонцу возразили, что к запорожцам и донцам послан запрет отнюдь с ханскими подданными ссор и задоров не чинить, а ныне со стороны ханова величества мирным договорам делается явное нарушение тем, что к подданным царского величества, татарам, посылаются «прелестные» листы. Ханский мурза, ввиду такого дела, находил за лучшее, чтобы его отпустили с каким-нибудь нарочным из Москвы в Крым; он ручался, что тот нарочный, доставив его, гонца, в Крым, будет возвращен в целости до Запорож. Но гонцу на это объявили царский приказ, что пока не будут возвращены в Москву подьячий Алексеев и посыльщик Лисица, до тех пор и ему оставаться в Москве. Мурзе советовали так и в Крым написать с добавлением того, что в Москве как ему самому, так и всем людям при нем выдается «со всяким удовольствием против прежнего» жалованье от царей. На это ханский гонец отвечал, что об отпуске царского подьячего и гетманского посольства он не станет хану писать, так как хан делает то, что захочет сам, а не то, что скажет ему какой-нибудь мурза; поэтому гонец находил, что держать его, мурзу, в Москве и смысла никакого нет, приехал он к великим государям с любительной грамотой, с любовью должен быть и отпущен из Москвы⁴.

Оставив у себя ханского гонца, цари написали о том грамоту к самому хану и отправили ее сперва в Запорожье к воеводе Григорию Косагову и к кошевому атаману Федору Иванику с приказанием доставить ее в Крым с надежным казаком. Воевода и кошевой с общего совета выбрали для той цели запорожского казака Клима Шило да Сумского полка казака Богданова, которые отвезли царскую грамоту к кызыкерменскому бею, и бей отправил ее к хану в самый Крым.

В этой грамоте цари писали, что они принимали у себя ханского гонца, изъявили через него ханскому величеству приязнь и любовь и уже готовы были отпустить его от себя, как вдруг узнали о том, что царский подьячий Алексеев и гетманский посыльщик Лисица, возвращавшиеся «с уволенными» от Магмет-султана величества русского народа полоняниками, задержаны в турецком городе Очакове неизвестно ради каких причин. Оттого великие государи по необходимости и ханского гонца задержали при себе; а когда ханское величество отпустит русских гонцов, тогда без всякого задержания будет отослан и крымский гонец⁵.

Пересылаясь с Крымом «любительными» грамотами, московское правительство на этом, однако, не останавливалось и в то же время брало свои меры для борьбы с басурманами. Так, в мае месяце послана была в Сечь царская грамота, в которой приказывалось запорожскому

---

² Архив Мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 11.

³ К е р е н с к – уездный город теперешней Пензенской губернии.

⁴ Архив Мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 11.

⁵ Там же.

войску собраться всеми силами и чинить промысл «на перелазах» против басурман, где они привыкли переходить через реки и делать набеги на украинские города⁶.

В это же время, пока происходила переписка между Крымом и Москвой, польский король Ян Собеский с половины июля месяца уже действовал в Галиции против турок. В самом начале августа он переправился через Прут и оттуда написал 10-го числа к запорожцам письмо с приглашением принять участие в борьбе против общих врагов, басурман.

В этом письме Ян Собеский, называя запорожских казаков мужественными, воинственными, доблестными и храбрыми людьми, любезно верными польскому королю, объявлял им, что июня 21-го дня он получил от царских величеств из города Москвы письмо с просьбой уведомлять о всех своих военных действиях против басурман и на этом основании находил нужным известить о том и запорожцев. Прежде всего король сообщал, что он истребил возле Каменца много хлебных запасов, невдалеке от города оставил для предупреждения вылазок из него неприятелей некоторую часть своего войска. Затем он сообщал, что сам, с главными силами, двинулся в неприятельскую землю и по дороге приказал, на весьма выгодных местах над рекой Прутом, насыпать три земляных окопа и в них поместить сильный охранный отряд войска. Придя в волошский край, он остановился в двух милях от Ясс и Цецоры и там принял от волошского народа добровольное предложение на подданство польской короне; молдавский господарь, по причине нахождения его сына в заложниках у турецкого султана, хотя и «отозвался письмом» к королю, сам, однако, скрылся. Приняв молдавских депутатов, король двинулся к крепости Цецоре, откуда намеревался немедленно двинуться к Яссам, укрепить столицу Молдавского государства, оставить в ней сильный охранный отряд войска и затем идти дальше вовнутрь страны для отыскания неприятельских сил и для принятия под свою защиту всех христианских народов. От пойманных басурманских языков и от доброжелательных людей король получил вести, что крымский калга-султан с значительным войском пошел в Венгрию на соединение с турецким визирем: там христианские войска⁷ так стеснили Буду⁸, что она едва ли устоит от их напора. Нурредин-султан расположился в Буджаке, и в самом Крыму остался только один хан с войском. Но на врагов напал страх и ужас, и от того страха орда от Буджака и Белогграда имеет намерение идти к Днепру и соединиться с крымским ханом. «Предуведомяя о том верное наше войско, не сомневаемся, что, настигая врага в Крыму воинственной рукою, вы уже до сих пор воспользовались столь хорошим и вожделенным случаем для вечной славы их царского величества, любезнейших братьев наших, а также прославления веры христианской, к радости всех правоверных и к вечному посрамлению басурман. А если бы хан стал переправляться через Днепр, и вы бы, чего, впрочем, не думаем, не могли удержать его на переправе, то просим вас, хотя с частью войска, пробившись сквозь неприятеля, к нам прибыть»⁹.

Коронный регент Станислав Щука, отправляя королевский лист к запорожским казакам, выразил желание о том, чтобы он доставлен был также донцам и «другим, кого касаться будет»¹⁰.

Для сношения короля с Украиной и Запорожьем в то время установлен был почтовый пункт в Белой Церкви. Оттуда посылались гонцы в Киев, в города Левобережной Украины и в Запорожье. Добытые вести привозились обратно в Белую Церковь и оттуда доставлялись в Дубно, Львов и Заслав¹¹.

---

⁶ Там же; малороссийские дела, 1686, св. 69, № 15.

⁷ В войне польского короля с турками помогли Австрия и Венеция.

⁸ Разумеется город Будапешт.

⁹ Величко. Летопись. К., 1851, II, 597.

¹⁰ Там же.

¹¹ Архив Варшав. каз. палаты, с. III, кн. VII, л. 120, 123.

Запорожцы, получив королевский лист и списав с него подлинную копию, копию оставили у себя, а подлинник отослали Ивану Самойловичу, причем известили гетмана о том, что, ввиду просьбы короля, они отправили к нему «доброе конного товариства 2700 человек»¹².

Предприятие польского короля не имело, однако, никаких серьезных последствий ни для него самого, ни для его врагов: заняв столицу Молдавии Яссы, он двинулся было оттуда в Буджак, но тут встретил ханского сына с значительными силами татар; татары, пользуясьлетней засухой, зажгли в степи траву и тем приостановили дальнейшее движение короля¹³. Тогда король, не получив вовремя поддержки ни от Австрии, ни от России, прекратил на время войну и воротился к польским границам ввиду наступившей зимы. В Филиппов пост он отпустил от себя запорожских казаков в Сечь, дав каждому из них по 10 битых талеров на казака «за их добре выгодную для себя военную службу» и через них же отправил всему запорожскому низовому войску благодарственное письмо за присылку конного отряда, прося и впредь не оставлять его своим вниманием в борьбе поляков против басурман¹⁴.

Действия запорожских казаков против басурман не могли окончиться одним походом их в Молдавию, и запорожцам предстоял впереди целый ряд войн против исконных их врагов.

Для вспоможения запорожским казакам в их серьезной борьбе Москва послала к ним под начальством генерала и воеводы Григория Ивановича Косагова конных и пеших ратных людей. Отправляя воеводу к запорожцам, цари Иоанн и Петр с царевной Софьей Алексеевной писали кошевому атаману Федору Иванику о том, чтобы он, соединившись с русскими ратными людьми, шел под кызыкерменские места и на переправы Днепра, где татары привыкли переходить реку, и там чинил воинский поиск и промысел, сколько Бог всемогущий поможет¹⁵. Местом для стоянки Косагова с ратными людьми указан был Каменный Затон¹⁶.

Однако такое приказание царей осталось без исполнения у запорожцев.

В самом начале месяца сентября воевода Григорий Иванович Косагов, стоявший в то время в Каменном Затоне, доносил царям, что, отправившись в Запорожье для общего с казаками чинения промысла против басурман, он говорил много раз о том с кошевым атаманом и всякий раз получал от него такой ответ, что без помощи со стороны гетмана запорожцам воевать с Крымом нельзя: на речке Каланчаке, в двух милях от Перекопа, стоит с многочисленными ордами сам крымский хан, а в Кызыкермене, Таванском и других турецких городках турки и татары «с великою осторожностью живут». В самом Запорожье теперь силы невелики: из казаков одни разошлись ради запасов в города, другие ушли к польскому королю, а человек около 300 пропало под Кызыкерменским городком. Вследствие такого малолюдства в крымские места и под турецкие городки опасно идти, чтобы и последних людей не потерять, — для такого похода нужна помощь из других мест. О такой помощи запорожцы уже много раз писали к гетману обеих сторон Днепра и не получили от него ничего. Без запорожцев же одним ратным людям в крымские и турецкие места ходить и языка добыть нельзя, потому что нет в полку таких вождей, которые бы знали хорошо поле и все крымские места. Оттого ни с Коша, ни с полка в Крым и «по се число» не посылали никого, хотя воевода беспрестанно кошевому атаману о том и говорил, и писал. Но кошевой стоял на одном, что без прибавочных ратных людей крымской войны он не начнет, и если гетман Самойлович не пришлет в Сечь ратных людей, то запорожцы в Крым не пойдут, а будут только свой Кош остерегать¹⁷. Кроме всего

¹² Величко. Летопись. К., 1851, II, 602.

¹³ Шмидт. История польского народа. СПб., 1866, III, 86.

¹⁴ Величко. Летопись. К., 1851, II, 602.

¹⁵ Архив Мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 15.

¹⁶ Там же; малороссийские дела, 1686, св. 70, 10 декабря.

¹⁷ Архив Мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 15. Летописец Ригельман по этому поводу говорит, что запорожцы, пользуясь наставшим случаем, не захотели видеть себя подданными московских царей и пожелали остаться вольными людьми. Тогда московское правительство, предвидя для себя самые дурные последствия от того, послало в Сечь знатную сумму денег

этого запорожцы указывали им и на недостаток челнов как на причину, по которой они не решились начинать войну против басурман¹⁸.

Получив от Косагова такую весть, цари сентября 19-го дня послали кошевому Иванику и всему посольству, бывшему при нем, новый приказ, чтобы казаки, пользуясь наставшим благоприятным временем, шли походом на турецкие города.

«Нам, великим государям, нашему царскому величеству, учинилось известно, что многие крымские орды с султанами из Крыма пошли на войну в Венгерскую землю против римского цезаря и против королевского величества польского, а в Крыму остался хан с небольшими людьми. По тем ведомостям в такое нынешнее время вам, кошевому атаману, над неприятелями воинской промысл чинить, и вам бы, кошевому атаману и всему посольству, о том ведать должно и, по совету с генералом и воеводой, собравшись всем низовым запорожским войском, чинить над турецкими и крымскими местами и на перелазгах, где обыхли крымские войска переправляться через Днепр, воинский промысл. Да что по тому в воинском промысле по нашему царского величества указу учините, к нам, великим государям, писать»¹⁹.

Тем временем, сентября 2-го дня, вернулся из Кизыкермена в Сечь запорожский казак Клим Шило с товарищем Дмитрием Богдановым и привез с собою ханский лист, который был доставлен из Бахчисарая в Кызыкермень каким-то мурзой и зашит в красную тафту. Вместе с листом Шило принес воеводе весть, что хан вышел из Крыма и стал на реке Каланчаке, на Очаковском и Кызыкерменском шляхах, в двух милях за Перекопом и в двенадцати милях от Сечи и Каменного Затона. Косагов дал Шилу трех новых товарищей и велел ему ханский лист отвезти немедленно в Москву.

Из доставленного ханского листа в Москве узнали, что крымский хан уже получил подлинное известие о происшедшем между Польшей и Россией мире и о состоявшемся между польским королем и московскими царями союзе для борьбы против Турции и Крыма. Называя себя великим государем, светлейшим, славнейшим, величайшим и любезнейшим, обладателем престола великой Орды и великого крымского юрта, кипчацкой степи бесчисленных татар, бессмертных ногайцев тацких и тевкецких, живущих меж гор черкесов, Селим-Гирей упрекал московских царей за союз их с врагами Турции и Крыма – за задержание в Москве крымского гонца мурзы Селешова, за умышленный пропуск времени для размена, по установившемуся давнему обычаю, с обеих сторон пленных и за намерение идти войной под Крымский полуостров и под турецкий город Азов: «Богу известно, что нарушение (мира) не с нашей стороны; желаем от Бога, кто сей мир нарушил, и то взыщи Бог над ним; мы крепко радели, чтоб в обоих государствах не было задору и войны, а вы с нашим недругом с польским королем, договор, вечный мир и союз учинили на том, что другу их другом, а недругом их недругам быть»²⁰.

Русские цари, не скрывая более своих отношений к польскому королю, находили нужным действовать пока в отношении хана путем слова и для того написали новую грамоту в Крым. Повторив в новой своей грамоте прежние доказательства тому, что нарушение мирных договоров произошло не с русской, а с крымской стороны, и поставив на вид то, что об этом писано было и Мурат-Гирею, и Хаджи-Гирею, и самому Селим-Гирею, великие государи объявляют последнему, что если он желает быть с ними в миру, то должен безусловно воспретить татарам делать набеги под украинные русские города, немедленно прекратить войну с польским королем, постараться склонить султаново величество к царской и королевской дружбе и добиться у падишаха, чтобы все завоеванное турками у Польши было возвращено польскому королю. Кроме всего этого, хан должен немедленно царского гонца Никиту Алексеева и гетманского

«и на иные мысли навело казаков: запорожцы, получив подарки, дали обет верно государям служить и «вооруженной рукой за них на татар и турок идти». Летописное повествование. М., 1847, II, 190.

¹⁸ Самовидец. Летопись. К., 1878, 165.

¹⁹ Архив Мин. ин. дел; мал. подл. акты, 1686, св. 2, № 25.

²⁰ Архив Мин. ин. дел, крымские дела, 1686, св. 77, № 15.

посыльщика Ивана Лисицу отпустить из Очакова в Переволочну, куда уже давно отпущен и мурза Селешов.

Кошевому атаману Федору Иванику и воеводе Григорию Косагову послан был из Москвы приказ, чтобы они, поговоря между собой, без замедления отправили с кем пригоже из Запорожья царскую грамоту к крымскому хану. Такой же приказ послан был в Севск воеводе Леонтию Неплюеву, а одновременно с ними и гетману Ивану Самойловичу. Последнему, кроме того, приказано было сделать у Переволочны на Днепре обмен посланного туда крымского гонца мурзы Селешова на царского гонца Алексеева и гетманского посыльщика Лисицу со всеми находящимися при них невольниками и с их пожитками. А для лучшей безопасности того размена поставить на перевозе сотника переволочанского с товариством и по размене пленных всех русских доставить в Москву²¹.

Сносясь такими «любительными» грамотами с ханом, московские цари в это же время, согласно условию заключенного мира между Россией и Польшей, исподволь готовились к походу на Крым. Само собой разумеется, что как польский король, так и московские цари в таком предприятии, как война против басурман, не могли обойтись ни без запорожских, ни без малороссийских казаков. А между тем у запорожских казаков с гетманом обеих сторон Днепра в это время шли сильные пререкания и большой раздор. Гетман Иван Самойлович в пространным письме, писанном в конце октября 1686 года к севскому воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву, высказывал в самых резких словах причины своего неудовольствия на запорожское войско.

«Да будет вашей милости известно, что на Запорожье послано от меня запаса 500 бочек, денег 2000 золотых, горелки 5 бочек; только ж я, вследствие их неблагодарности, пожалел утруждать людей и подводы под тот запас, потому что ни при каких из бывших гетманов подводами им запасов не вожено и не только подвод не посылаю, но издавна, даже при Хмельницком, запасов совсем не давано. Только Брюховецкий тот обычай ввел, чтоб им давать всякий год запасы, но и при Брюховецком запасов подводами (к ним) не вожено, – сами они, запорожцы, от Кишенки челнами отыскивали запасы вешнею порой. Как тогда, так и теперь подводами им запасов не годится посылать, и впредь им в том следует отказать. А что до того, что я, уже при своем уряде, много раз тот запас подводами посылал, то делал я то для того, чтобы справиться с ними во время их шатости, так как они в прошлые времена не только к полякам, но даже к басурманам обращались со своими обсылками. И то радение мое об их управлении чинил по моей верности к великим государям и потому, что не мог с ними тогда сладить. Ныне же, когда, по мирным договорам, они уже поступили в подданство царского пресветлого величества, гладить их тем не годится. Конечно, давать им запасов я не отказываюсь и как определил приготовить по 500 бочек оного на каждый год и назначил давать им по 2000 золотых готовых денег, так всегда и будет все то доходить к ним. . . Таким же способом и в этот год, еще с ранней весны я писал им, что запас уже готов и чтоб они сами для себя отыскивали его. Я обещал им доставить до Кодака, откуда они могли бы уже и сами его забрать, так как и дальше того бегают в Варшаву и в Краков за хлебом, а тут дома почему бы им не взять его? Однако они, упорно став на своем, не захотели отыскивать его. Писал ко мне генерал и воевода Григорий Иванович Косагов о том, что они, запорожцы, негодуют против меня, припоминая, как им в городах нет, по воле их сердец, чести. Но они и сами не хранят чести: приехав в города, они причиняют убытки (и делают) озорничества, старшину побивают и людей всяких бесчестят и хотели бы так делать, как делали при Брюховецком. В какой бы город они ни приезжали, останавливаясь там на дворах, окна в избах вышибали и печи разбивали, питье сами себе насильно у людей забирая, беспрестанно упивались, старшего городского или меньшого, кого хотели, побивали, и за то никогда не несли наказания. Всего этого я, при моем уряде, не допускаю,

---

²¹ Архив Мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 15.

да и допустить не хочу. В городах приказываю удерживать их и впредь самовольства им не позволю, за что они и гневаются и негодуют на меня, забывая то, что во всем сами виноваты, потому что не хотят быть в настоящем исправлении»²².

Несмотря на такое негодование против запорожцев, гетман Самойлович при всем том вынужден был отправить к ним в виде вспомогательного отряда на все время зимы 400 человек казаков Гадячского полка с запасами по одному возу на казака и с охраной в числе нескольких человек простых людей, которым, по доставке в Запорожье провианта, велено было препроводить назад из-под фур лошадей²³.

Выражая свое крайнее неудовольствие на запорожцев в письме к воеводе Неплюеву, гетман Самойлович в то же время не поскупился изобразить их в самом непривлекательном виде и в послании к царям. Вследствие этого ноября 10-го числа из Москвы в Запорожскую Сечь послана была на имя кошевого атамана Федора Иваника и всего находившегося при нем посольства царская грамота от царей Иоанна и Петра и царицы Софии Алексеевны.

В этой грамоте государи упрекали запорожцев за то, что они, несмотря на готовившуюся войну России с Крымом, не перестают сношаться с басурманами. Крымский хан, ожидая со дня на день прихода русских ратных людей к его владениям, уже покинул полуостров и вышел в Перекоп; все турки и татары, живущие в Кызыкермене, Тавани и Ослам-городке, почуя беду, находились в большом опасении, а в это время кошевой атаман и все запорожское посольство, несмотря на такое положение дел, ссылаются с теми кызыкерменцами, ездят к ним по разным своим делам и принимают у себя кызыкерменских купцов, приезжающих для продажи соли в самую Сечь. Осуждая такие поступки запорожского войска, цари предписывали кошевому атаману сделать «крепкий заказ» казаков запорожского войска из Сечи в Крым и турецкие ниже Запорот на реке Днепре городки не пускать, ни с какими товарами и хлебными запасами не ездить и в наставшее военное время неприятелям вспоможения в их хлебной скудности не чинить. «А что ты, кошевой атаман, в листах своих к кызыкерменскому бею и к другим пишеш и не прописывает того, что ты подданный нашего царского величества, то ты делаеш то непристойно, понеже Запорожье и вы обретаесть в подданстве у нас, великих государей, у нашего царского величества, под нашею царского величества высокодержавною рукою, в чем на верную свою службу и на вечное нам, великим государям, нашему царскому величеству, в подданство и присягу свою учинили. И тебе б, кошевому атаману, впредь в листах своих прописывать подданным нашего царского величества. А что у вас впредь учнется делать, вы бы о том к нам, великим государям, к нашему царскому величеству, и к подданному нашему гетману Ивану Самойловичу, писали»²⁴.

И строгость приказа, и самое положение дел заставляли запорожцев повиноваться требованиям московского правительства. Торговые сношения с Кызыкерменем запорожцы принуждены были прекратить, взамен того они должны были собрать сведения о подлинных намерениях татар в Крыму. Удобным поводом к последнему представлялась доставка царской грамоты в Бахчисарай. Для отправки царской грамоты назначен был, с общего совета кошевого атамана Федора Иваника и воеводы Григория Косагова, запорожский казак Иван Кириллов Богацкий с казаком сумского полка Григорием Собченком да курским рейтаром Григорием Кичигиным.

Иван Кириллов Богацкий, выехав из Сечи ноября 2-го дня на Кызыкермень и Перекоп, ноября 12-го дня прибыл с четырьмя кызыкерменскими провожатыми в город Бахчисарай. Не доезжая до Крыма, в пути, запорожские посланцы видели какого-то польского полоняника, которого татары везли в Крым; от этого полоняника они узнали, что польский король возле

---

²² Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1686, св. 70, № 29.

²³ Там же.

²⁴ Архив Мин. ин. дел; мал. подл, акты, 1686, св. 2, № 27.

города Белограда разбил ханского сына Нурредин-султана, с которым было 10 000 крымских татар, 10 000 янычар да несколько тысяч белгородских татар, самого ханского сына пленил и после того к городу Яссам отступил. По приезде в самый Бахчисарай запорожские гонцы самого хана в нем не нашли и были отведены к ближнему ханову человеку Батырь-аге. Тот ближний человек, Батырь, или Батырча-ага, взял у запорожских посланцев царскую грамоту, распечатав, прочел ее и сказал, что великие государи все доброе пишут в Крым, а потом в тот же день отправил грамоту к хану в город Козлов, запорожским же гонцам велел ханова приказа в Бахчисарае ожидать. В Бахчисарае гонцы прожили четыре дня и тут, то объясняясь с Батырь-агой, то беседуя с разными другими лицами, успели собрать очень важные сведения о намерениях татар. Прежде всего они узнали то, что все татары очень мало верят мирным заявлениям московских царей: воевода Григорий Косагов, говорил Батырь-ага, затем и прислан в Запороги от царей, чтобы готовиться на татар войной. Но если от войск русских царей будет какой-нибудь промысл на татар, то и татары не будут терпеть, и к дружбе, и к недружбе приготовят себя вполне. На такое заявление запорожские гонцы отвечали Батырь-аге, что воевода Косагов прислан в Запорожье с тем, чтобы защищать царские города от наездов татар, а не с тем, чтобы воинский промысл против них чинить. Затем Батырь-ага в разговоре объявил, чтобы великие государи отпустили мурзу Селешова в Крым, потому что ханово величество царского посла Алексеева и гетманского посыльщика Лисицу уже отправил в Москву. Запорожские гонцы и на это нашли у себя ответ: великие государи, говорили они, уже давно отпустили от себя мурзу, и тот мурза находится у гетмана на пути в Крым. При объяснении с гонцами Батырь-ага, между прочим, спросил их и о том, будут ли московские цари присылать хану казну, то есть попросту сказать, давать дань за все прошлые годы, когда они не отпускали ее в Крым. На такой запрос гонцы дали уклончивый ответ, ссылаясь на то, что они о таком деле не знают ничего. Живя в Бахчисарае, запорожские гонцы узнали и о том, что когда в Сечи появился с русской ратью воевода Григорий Косагов, то сам хан со своей ордой вышел за пять верст от Перекопа на Каланчак и стоял там, опасаясь московских ратных людей, до Петрова дня; узнав же, что воевода Косагов, стоя возле Сечи, делает город, а войной в Крым не думает идти, оставил у Перекопа султан-калгу, а сам ушел в Крым. Оставленный султан-калга стоял у Перекопа до приезда запорожских гонцов и потом, войдя в Крым, в ту же ночь послал на подворье к казакам толмача с запросом, зачем они присланы в Крым. Казаки тому толмачу ответили так, что пришли они с царской грамотой в Крым, а что в той грамоте – не ведают ничего. После этого султан-калга распустил свое войско по домам, а сам совсем ушел в Крым. Хотел было султан-калга из Перекопа идти в Белгородчину на выручку ханского сына, высланного против польского короля; но, услышав о разгроме татар королем, свой поход отложил. Когда же польский король ханского сына взял в полон, тогда крымцы отпустили от себя польского ксендза, который прислан был для чего-то королем в Бахчисарай, но был закован там в кандалы и ходил целое лето в тех кандалах. Теперь того ксендза хан приказал расковать и ради мира с королем велел «с великою честью» в Польшу отпустить, дав ему на дорогу рыдван о двуконь; такой же рыдван дал тому ксендзу и Батырь-ага.

Находясь в Бахчисарае, запорожские гонцы узнали, что крымский хан посылал к калмыцкому тайше Аюку письмо с просьбой о помощи против польского короля; но калмыцкий тайша вместо ответа велел обрезать ханскому гонцу уши, губы и нос и в таком виде отпустить его в Крым. Кроме того, запорожские гонцы дознали и то, что в Крыму уже в течение двух лет не родился хлеб и был большой недостаток в конских кормах.

Отпуская из Бахчисарая запорожских гонцов, Батырь-ага им объявил, что у хана-де был такой план, чтоб ему самому ныне под государевы украинские города идти, а янычарам идти под Запорожскую Сечь, где воевода Косагов с московскими ратными людьми стоял, и для того похода хан изготовил было уже и большое число татарских войск, но когда получил мирную грамоту от царей, то войска те по домам распустил.

Когда запорожские гонцы были уже в обратном пути, то видели возвращавшуюся из похода на польского короля татарскую орду; о белгородской же орде гонцы слышали, что она оставила у себя третьего султана для обороны против короля²⁵.

Оставив Бахчисарай, запорожские гонцы направились сперва в Сечь, а из Сечи декабря 13-го дня прибыли в Москву и привезли с собой от Селим-Гирея, Багатырь-Гиреева сына, лист. В своем письме Селим-Гирей писал, что, согласно просьбе великих государей об отпуске задержанного в крымской Украине русского гонца Никиты Алексеева, гонец и все бывшие с ним русские невольники «без убытка» отпущены из Кызыкермена вверх по Днепру в Запороти. Отпуская царского гонца, ханское величество надеется, что великие государи, в свою очередь, отпустят крымского гонца Мубарекша-мурзу Селешова в Крым. Относительно же упрека со стороны царских величеств ханскому величеству в нарушении соседской дружбы и в нечинении ответа по поводу набегов на Украину азовских людей он, Селим-Гирей, отвечает, что, напротив того, дружбу соседскую нарушает не хан, а сами московские цари: подданные московских царей, донские казаки, захватили под Черкасским городком крымского человека Абду-агу и до сих пор держат его у себя. Кроме того, те же казаки, выплыв в Азовское море на каюках, воевали азовских, ногайских и черкесских людей; потом, соединясь с калмыками, ходили в Чунгур и много конских стад взяли у татар, и хотя крымский хан не раз писал о том царям, но ответа от них на то никакого не получил. Поэтому нарушение соседственной дружбы происходит не от хана, а от самих же царей. И если московские государи действительно желают держать с ханским величеством дружбу и прочный мир, то пусть они присылают, по установленному обычаю, казну (то есть дань) к разменному пункту под Переволочну на Днепре, вместе с казной пусть шлют царскую грамоту и задержанного в Москве крымского мурзу. Тогда будет между Крымом и Москвой настоящий мир. А что до просьбы государей не ходить против польского короля войной, то татары и не думали на короля ходить, а сам король на них трижды приходил, но, однако, «во всех своих приходах темным лицом назад возвратился»²⁶.

На такой ответ московские цари написали хану декабря 25-го дня третью грамоту с уведомлением дружбы и любви и извещением об отпуске гонца Мубарекши-мурзы Селешова «с удовольствованием по посольскому обыкновению» через Запороти в Кызыкермень. Замедление тому послу учинилось оттого, что и царскому гонцу Алексееву сделано было замедление в отпуске у татар. Впрочем, отпуская крымского мурзу, великие государи поставляют при этом ханскому величеству на вид то, что ханское величество не пишет ничего в своем листе о примирении Магмет-султана величества с польским королем и не дает никакого ответа на то, почему с крымской стороны делаются частые загоны под украинные малороссийские и великороссийские города и чрез те загоны причиняются «многия разорения и нестерпимые досады» жителям тех городов. Вместо того ханское величество упрекает великих государей за действия на Азовском море донцов и указывает на это как на повод к разрыву дружбы Крыма с Россией. Чтобы раз навсегда прекратить ссоры, великие государи находят за лучшее выбрать между Запорожьем и Кызыкерменем одно из пристойных мест, выслать туда по равному с обеих сторон числу полномочных людей и установить между царским и ханским величеством прежнюю дружбу и любовь²⁷.

Написанную грамоту велено было при особом письме послать сперва в Запороти и из Запорот отправить «без замотчания» в Крым с тем казаком, какого «в ту посылку выберет сам кошевой атаман». На случай же, когда хан согласится на съезд представителей в каком-нибудь месте между Запорожьем и Кызыкерменским городком для прекращения обоюдных набегов и ссор, воеводе Григорию Косагову приказано было послать в Крым особых из сиче-

²⁵ Архив Мин. ин. дел, крымские дела, 1686, св. 77, № 17.

²⁶ Архив Мин. ин. дел, крымские дела, 1686, св. 77, № 17.

²⁷ Архив Мин. ин. дел, крымские дела, 1686, св. 77, № 17.

вого товариства полномочных людей. Григорий Косагов, получив разом царскую грамоту и царское письмо, известил государей января 16-го дня 1687 года, что царское письмо он послал в Сечь к кошевому атаману Филону Лихопою, и в Сечи на раде письмо то было прочтено всем низовым казакам, а после той рады к воеводе Косагову приехал с пятью куренными атаманами сам кошевой атаман и объявил, что для отсылки царской грамоты в Крым наряжен казак Игнат Комалдут. И точно, казак Игнат Комалдут прибыл к воеводе января 17-го дня и в тот же день с колонтаевским казаком Голубинченком был отправлен в Крым²⁸.

Такая неопределенность отношений между Москвой и Крымом длилась в течение конца 1686 года и начала 1687 и держала в напряжении не только крымских татар, но и запорожских казаков. Последние с большим нетерпением ждали, чем кончится задуманный русскими поход на Крым.

Первый поход открылся с весны 1687 года. Для похода в Крым поднято было до 100 000 великороссийских и до 50 000 малороссийских войск. Главнокомандующим великороссийских войск назначен был князь Василий Васильевич Голицын. Начальником малороссийских казаков состоял гетман Иван Самойлович. С князем и гетманом должны были действовать заодно и запорожские казаки. У запорожских казаков кошевым атаманом на ту пору был Филой Лихопой.

Князь Голицын двинулся в путь раньше гетмана Самойловича и уже мая 20-го числа перешел с войском два притока речки Липнянки, впадающей в реку Орель при Нехворощанском городке. Русские двигались большей частью по направлению к югу и расположились у речки Орлика²⁹.

Гетман Самойлович поднялся из городов Украины в конце месяца мая и шел от города Полтавы с девятью украинскими полковниками, двумя полковниками компанейскими и одним полковником сердюцким; при тех полковниках были: один обозный, один судья, один писарь и два есаула. Перейдя реку Орель, гетман июня 2-го дня соединился у левого берега ее с князем Голицыным и двинулся к реке Самаре³⁰. Дойдя до Самары, военачальники прежде всего должны были сделать на этой реке 12 мостов и по этим мостам в течение четырех дней перевозить свои обозы по две тележки в ряд. Вероятно, в это время князь Голицын посетил стоявший у Самары Николаевский пустынный запорожский монастырь и сделал в нем «вклад в 15 рублей»³¹.

Перейдя реку Самару, соединенные русско-казацкие войска стали у Острой Могилы и тут, близ речки Кильчени, совершенно высохшей на ту пору от летних жаров, выкопали для питья несколько колодцев в аршин глубиной. Добытая в колодцах вода оказалась и хорошей на вкус, и в достаточном количестве. От Острой Могилы войска, оставя свою временную стоянку, пошли на речку Татарку и оттуда взяли направление между Великих Плес. От Великих Плес прошли через левые притоки Днепра Вороною³² и Осокоровку, где «речка Терти притягла от моря»³³. Далее войска двинулись на речку Вольную, где «речка Крымка притягла от Конской». От Вольной войска пошли на вершину Каменки³⁴. В это время в армии говорили, что войско идет по правую руку Каменки, и тогда участник похода генерал Патрик Гордон велел искать Каменку, но, по его словам, этой речки не нашли. От Каменки войска двинулись к речке Конские Воды, или Конке, впадающей на две мили ниже острова Хортицы и на 7 миль ниже Сечи, где нашли довольно травы, но мало леса и нездоровую воду. Здесь обе части войска соеди-

²⁸ Там же; мал. подл. акты, 1686, св. 2, № 28.

²⁹ Tagebuch des Generals Patrik Gordon. St. Petersburg, 1851, II, 174.

³⁰ По другим сведениям, Самойлович соединился с Голицыным на берегу Самары: Киевская старина. 1886, II, 275.

³¹ Феодосий. Самарский монастырь. Екатеринослав, 1873, 13.

³² Выше теперешнего села Вороной, имения М.Н. Миклашевской.

³³ Что это за речка Терги, неизвестно, но о ней говорит Самовидец.

³⁴ Неизвестны также речки Крымка, Кобылячка и Литовка, о них говорит Самовидец.

нились вместе и расположились на стоянку: раньше того некоторая часть армии пошла через речку Московку, и так как это был более краткий путь, то она и пришла сюда раньше. Июня 13-го числа быстро построили через речку Конку мосты и начали советоваться о дальнейшем маршруте. В это время получено было известие о том, что впереди все сожжено и стояло в дыму и пламени³⁵. Недалеко от левого берега Конки русско-казацкие войска заметили впереди себя несколько небольших отрядов татар и быстро рассеяли их³⁶. Июня 14-го числа армия переправилась через Конские Воды и пошла по сожженным степям. От пыли и отвратительного запаха идти было тяжело; в особенности трудно и нездорово было как для людей, так и для лошадей. Потом войска расположились на небольшой речке Олбе (dem kleinen Flusse Olba), недалеко от Великого Луга, где нашли много воды и травы³⁷. В этот день сделали две мили назад. Июня 15-го числа двинулись по сожженным степям к речке Янчокраку³⁸, где нашли мало травы и никакого леса, но зато множество диких свиней. Тут лошади, видимо, стали худеть, солдаты начали заболеть. Июня 16-го числа пошел сильный дождь, который, однако, только прибил пыль, но не освежил растительности. В это время сделали мосты из фашин через речку Янчокрак, которая в этой местности, благодаря дождю, сделалась очень болотистой; понадобилось три часа, чтобы переправиться через нее. От Янчокрака войска следовали по голым сожженным степям до речки Карачокрака. Июня 16-го числа лошади были уже сильно истомлены, а травы так было мало, что ее хватало настолько, чтобы только сохранить жизнь животным, и если бы приблизились татары, то лошади едва ли в состоянии были вывезти не только телеги с жизненными припасами, но и пушки; кроме того, все знали, что далее все сожжено и опустошено. Следовательно, нечего было и думать о завоевании Крыма. В это время, после долгих споров, решено было часть армии послать на днепровское низовье, а главную поднять до таких мест, где можно было бы найти продовольствие для конницы. Июня 18-го числа главная армия направилась³⁹ обратно ближайшим путем⁴⁰. Перейдя речку Янчокрак, войска стали лагерем на возвышении Великого Луга, где нашли воду и немного травы, но никакого леса. В этот день прошли 3 мили. Июня 19-го числа армия отдыхала, и в этот день отправлен был гонец в Москву с известием о возвращении войска обратно. Июня 20-го числа армия продолжала путь далее, перешла маленькую речку Олбу и остановилась на реке Конские Воды, где нашла в избытке траву, лес и воду, хотя вода была нездорова. В этот день гетман с казаками перешел через реку и стал лагерем на «той» стороне, русские же на «этой». Было решено отдохнуть здесь несколько дней, чтобы откормить лошадей, изнуренных и не могших везти далее пушки и амуницию; но это принесло мало пользы, так как от воды, вредной для здоровья, в это время и людей и лошадей погибло немало⁴¹.

Так описывает весь маршрут соединенных русско-казацких войск участник похода генерал Патрик Гордон в своем дневнике.

Сам гетман Иван Самойлович о первом походе русско-казацкой армии на Крым доносил в Москву, что от реки Самары русские обозы «пошли дикими полями и, пройдя несколько десятков дней, приблизились к Крыму за 100, а к Сечи запорожской за 30 или 36 верст, за

³⁵ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, II, 174.

³⁶ Собрание госуд. грамот и договоров. М., 1826, IV, 565, 564, 563, 539, 541.

³⁷ Что такое это за речка, неизвестно, но о ней говорит Гордон.

³⁸ У Самовидца ошибочно назван Янчул; в Собрании государственных грамот и в «Дневнике» Гордона Янчокрак; у Самовидца ниже этой речки упоминаются еще Торские пески, вероятно песчаные кучугуры, теперь близ с. Водяного Мелитопольского уезда Таврической губернии.

³⁹ У Самовидца: «От Торских песков с вершины Великих лугов против кучугур при татарском тирлище, в 20 верстах от Сечи».

⁴⁰ По указанию Величка войска повернули обратно от Плетеницкого Пога: Летопись. К., 1855, III, 13.

⁴¹ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, 1851, II, 174.

речку Карачокрак, откуда зело горели сердца наши достигнути Перекопа и самого Крыма»⁴², но пожар, поднятый татарами в степи, начиная от Конских Вод и до самого Крыма, то есть на расстоянии по приблизительному расчету ста верст, помешал начальникам войска привести свое желание в исполнение.

Степной пожар, как причина неудачи первого похода на Крым, был в то время у всех на устах. И точно, татары и далеко раньше, и много позже этого времени весьма часто прибегали к этому средству для того, чтобы отвратить поход в степь какого-нибудь опасного для них врага. О страшных размерах степных пожаров в прошлые века, когда все степи покрыты были густой, высокой и непролазной, точно лесная чаща, травой, можно до некоторой степени судить по теперешним пожарам в бывших ногайских и запорожских степях. Когда загорится в степи сухая трава, тогда, при господстве там в мае и июне северо-восточных ветров, настает настоящий, со всеми ужасами, ад. Пламя катит верст на сто, на сто двадцать вперед; повсюду раздаётся страшный треск; воздух делается нестерпимо удушлив и необыкновенно горяч; пожарная гарь слышится за шесть, за восемь часов не доезжая до места огня; дым валом валит полосой ширины в 15–20 верст. Земля делается настолько горяча, что на ней нет никакой возможности стоять. Все, что ползало по степи, жарится, лопаётся и распространяет везде едкий смрад. Все, что ходило по степи, – звери, дикие кони, рогатый и мелкий скот, дикие свиньи, различные грызуны – все, почуяв беду, бежит от огня стремглав, падает и погибает в пламени и в дыму. Верховые кони, обыкновенно раньше других животных чуя степной пожар, приходят в сильное беспокойство, постоянно ржут и стараются увлечь своих седоков в противоположную сторону от того места, где разливается страшное пламя огня. После такого пожара на сотни верст вся степь превращается в черное поле смерти, где надолго исчезает всякая жизнь. Всякие корма на такой степи исчезают совсем, и нужно ждать слишком большого дождя, чтобы привести землю в надлежащий ее вид, а после дождя необходимо ждать 10–15 дней, чтобы иметь подножный для скота корм. Таковы последствия степных пожаров теперь, но они были гораздо страшней двести – триста лет тому назад при сплошных и непроходимых травах в степи, особенно когда татары зажигали их в разных местах и когда движение ветра шло навстречу шедшим по степи войскам. Поэтому нет надобности заподозривать показание вождей русско-казацких войск, которые считали причиной неудачи первого похода на Крым степной пожар, хотя рядом с этим могло быть немало и других причин, как теперь некоторые исследователи стараются это доказать⁴³. Стихийная причина, то есть поднятый татарами в степи пожар и гибель через то степных кормов, – главнейшая из причин неудачного похода русско-казацких войск на Крым. Но и тут некоторые из историков ставят вопрос, кто же, собственно, был виновником пожара в степи, сами ли татары или же вместе с ними и казаки? Уже очевидец первого похода в Крым иностранец Гордон уверял, что это дело не обошлось без содействия казаков: казаки, опасаясь, чтобы Москва, покорив Крым, не отобрала вольностей и прав у самих казаков, могли подать крымцам мысль произвести в степи пожар и не допустить москалей в Крым. Однако Гордон высказал в этом случае лишь собственное мнение и не подтвердил его никакими доказательствами, а потому, не прибегая к предположениям, следует в этом случае помнить то, что степной пожар, как средство защиты от врагов, весьма часто практиковался у татар, и незадолго перед походом русских на Крым татары таким же способом спаслись в Буджаке от польского короля.

Для того чтобы скрыть отступление всей русско-казацкой армии, а также для того, чтобы не дать возможности крымскому хану послать орду против польского короля, а белгородским и буджацким татарам соединиться в одно, решено было на военном совете июня 17-го дня отправить отряд великорусских войск в числе 20 000 человек и отряд малороссийских казаков

⁴² Собрание государ, грамот и договоров. М., 1826, IV, 540, 541.

⁴³ Киевская старина. 1886, XIV, 277.

также в 20 000 человек, или 8 полков, да несколько тысяч запорожских казаков к урочищу Каменный Затон, где стоял воевода Григорий Косагов, там велено соединиться им с Косаговым и идти в поход к Кызыкерменскому городку. Начальствование над отрядом великороссийских войск поручено было окольному Леонтию Романовичу Неплюеву, а начальствование над малороссийскими полками предоставлено было гетманскому сыну, полковнику Григорию Ивановичу Самойловичу: «И велели мы, на ту сторону Днепра переправившись, к прежде реченному городку Кызыкермену идти и осадить его шанцами; в тех промыслах приказал я быть и атаману кошевому с войском низовым, который, быв у меня в обозе, обещался во всех работах быть тщательным и верным... Хотя мы и надеялись на Днепровские луга, что (они) не лишат нас конских кормов, для чего и оперлись было обозами с пожженных полей о днепровские воды; но и в них никакой прибыли не обрели, вследствие тех причин, что в Днепр превеликие воды (стоят), которые еще не скоро опадут, показались только острова и холмы... Ради того стали ныне над Конскою Водой, выше устья Янчокрака, против Великого Луга, в сорока верстах от Сечи Запорожской, а сколько времени можно будет стоять, столько и постоим»⁴⁴.

Простояв у Конских Вод сколько было возможно, русско-казацкие войска двинулись выше и дошли до реки Самары. На ней уцелело еще 12 мостов от прежней переправы. Первым перешел по мостам гетман Самойлович. Но когда он стал на правом берегу Самары, в это время внезапно все мосты запылали огнем от неизвестной причины и в короткое время все, кроме двух, исчезли. После этого русские занялись сооружением новых мостов на месте сгоревших и потом уже перешли с левого берега реки на правый⁴⁵.

Хотя виновник поджога самарских мостов и не был обнаружен, но все стали обвинять в том гетмана Самойловича, что совпадало и с видами начальника русских войск, и с желаниями малороссийской генеральной и полковой старшины: первый, испытав неудачу в походе на Крым, выискивал лицо, на которое можно было бы взвалить всю тяжесть ответственности за несчастный поход; передние, ненавидя гетмана за его корыстный и надменный нрав, давно искали случая, чтобы избавиться от него. Потому, когда русско-казацкие войска перешли реку Самару и стали на правом притоке ее, речке Кильчени, то тут июля 7-го дня недруги Самойловича написали «доношеше об измене и неистовстве гетмана к великим государям» и подали его князю Голицыну, а князь Голицын на следующий день отправил то «доношение» в Москву⁴⁶, и чрез 14 дней после этого «скончалось гетманство поповичево»⁴⁷.

После низложения гетмана отправлен был гонец к сыну его, Григорию Самойловичу, и посланный нашел полковника с обозом ниже острова Томаковки, где вручил ему лист старшины о низложении его отца⁴⁸. Сам князь Голицын написал приказ окольному Леонтию Романовичу Неплюеву «принять и держать за караулом гетманского сына, Григория»⁴⁹.

После того главная армия перешла Кильчень и остановилась на рукаве этой речки. Военачальники избрали этот путь, чтобы скорее достигнуть реки Орели, так как до сих пор мало встречали воды и лесу. Июля 10-го числа армия выступила рано и шла по большим равнинам. У реки Орели войска имели остановку, где нашли достаточный запас дров, воды и травы. В этот день были сделаны мосты через реку, а 11-го числа июля войска перешли Орель, оставили пределы Запорожья и направились вдоль речки Орчика, а потом к реке Коломаку⁵⁰.

⁴⁴ Собрание государ, грамот и договоров, IV, 540, 541; Gordon. Tagebuch, II,

⁴⁵ Маркевич. История Малороссии. М., 1842, IV, 134.

⁴⁶ Собрание государ, грамот и договоров, IV, 542; Величко. Летопись, III, 14; Бантыш-Каменский. История Малой России. М., 1882, II, 313–334.

⁴⁷ Самовидец. Летопись. К., 1878, 171.

⁴⁸ Величко. Летопись. К., 1855, III, 17.

⁴⁹ Бантыш-Каменский. Источники. М., 1858, I, 322.

⁵⁰ Tagebuch des Generals Patrik Gordon, II, 181.

Пока происходили все эти события, тем временем оставленные на низу Днепра воевода Григорий Косагов и кошевой Филон Лихопой не без успеха действовали против басурман. Косагов отправил нескольких человек из своего полка судами к городу Кызыкермену, а кошевой атаман лично пошел против турок. У урочища Каратебенья, на реке Днестре, между кызыкерменцами с одной стороны и русскими полчанами и запорожскими казаками с другой произошел бой, «и Божией милостью, а предстательством надежды христианские Пресвятые Богородицы и Приснодевы Марии, предстательством и молитвами московских и их чудотворцев и всех святых, а великих государей и всего их государского дома прилежною молитвою и счастием, те их, великих государей, ратные люди и запорожские казаки на Днепр турских людей побили и взяли на том бою два ушкала, а на тех ушкалах знамена да пять пушек да турок 29 человек; а их великих государей ратные люди и запорожские казаки пришли все с того боя в целости»⁵¹.

Считая войну с ханом далеко не оконченной и имея в виду новый поход на Крым, правительница Московского государства царевна Софья Алексеевна между другими мерами для успеха в будущей с басурманами войне предложила князю Василию Голицыну построить на реках Орели и Самаре городки, «дабы оставить в них всякие тягости, запасы и ратных людей и дабы впредь было ратям надежное пристанище, а неприятелям страх»⁵².

---

⁵¹ Собрание госуд. грам, и догов. М., 1826, IV, 563.

⁵² Там же, 560, 564.

Глава 2

Избрание Мазепы в гетманы Малороссии и обязательства, данные им московским царям в отношении запорожских казаков. Царская грамота запорожцам об отрешении Самойловича, с объявлением в гетманы Мазепы. Посольство от запорожского войска в Москву казака Матвея Ватаги с пойманным татарским языком. Письмо от Коша к гетману Мазепе с поздравлением и с пожеланием многолетнего правления Малороссией. Враждебные отношения запорожцев к крымским татарам, захват ими татарских языков и отправка их с особыми посланцами в Москву. Пребывание запорожских посланцев в Москве и возвращение их из Москвы в Сечь. Переписка кошевого атамана Григория Сагайдачного с гетманом Мазепой по поводу обещанной им запорожскому войску помощи против мусульман, а также по поводу отдачи войску перевоза в Переволочив на Днепре и присылки жалованья войску запорожских казаков

С падением Ивана Самойловича малороссийским казакам предстоял выбор нового гетмана и вместе с тем новых генеральных старшин. Назначение того или другого гетмана в сильной степени интересовало и запорожских казаков: запорожцы уже давно утратили право личных сношений с Польшей и Москвой, и если им предстояла надобность в том, то они могли это делать только через гетмана малороссийских казаков. Гетман же наблюдал за запорожцами и в том случае, когда они пытались стать в такие или другие отношения с крымским ханом или турецким султаном. Отсюда естественно, что характер и воззрения гетмана не могли не влиять в известной степени на те или другие действия запорожских казаков. В самом избрании гетмана запорожцы в это время принимать участия уже не могли: и совершенная обособленность между украинцами и войском низовых казаков, и полное самовластие, с которым распоряжалась в Малороссии Москва, сделали это участие для запорожцев невозможным. Поэтому лишь только в Москве получилось «доношение» князя Голицына о необходимости отрешить от гетманского уряда Ивана Самойловича и вместо него избрать нового гетмана, то вскоре затем собрана была рада на реке Коломаке и на той раде июля 25-го дня 1687 года вольными голосами «малороссийских казаков и генеральной старшины», в действительности же под диктовку князя Голицына и близких клеветников его, избран был на гетманский уряд бывший обозный войсковой Иван Степанович Мазепа, старожитного шляхетского украинского рода, Белоцерковского повета, знатный в войске человек⁵³.

Приняв булаву и присягнув на верность русскому царю, гетман Мазепа подписал 22 статьи, и в числе этих статей две касались запорожских казаков. Во-первых, для защиты от крымского хана великороссийских и малороссийских городов держать в пристойных местах полки и для промысла у Кызыкерменя и других турецких городков часть тех полков посылать в Сечь и в иные тамошние места и над теми городками военный промысл чинить. Самих запорожцев держать в прежних местах, и борошно, и плату на каждый год им непременно в таком размере посылать, как им при прежних гетманах выдавалась плата всегда; и то борошно, и те деньги к ним на самый Кош запорожский отсылать; а миру запорожцам с Крымом и с городками (турскими) без воли государей никогда не иметь. Во-вторых, для утеснения Крыма и от нахождения крымских орд на великороссийские и малороссийские города войной на сей (левой) стороне Днепра против Кодака сделать такого подобия шанец, как и Кодак, а на Самаре и на Орели реке, и на устьях Орчика и Берестовой построить крепости и малороссийскими жителями населить и о том во все тамошние города универсалы послать с разъяснением о том, что в те места могут все желающие без всякого препятствия приходить; запорожцы же к тем крепостям и к

---

⁵³ Самовидец. Летопись. К., 1878, 171.

жителям тех крепостей касаться не должны; кроме того, до окончания русско-татарской войны запорожцы и торговых сношений с татарами не должны вести⁵⁴.

Эти пункты Мазепа собственноручно подписал в день избрания его на гетманский уряд июля 25-го дня, и на том крест и святое Евангелие целовал.

Сентября 12-го дня на имя кошевого атамана Григория Сагайдачного послана была царская грамота из Москвы в Сечь с известием об отнятии у Самойловича гетманской булавы, о назначении Ивана Мазепы в гетманы малороссийских казаков и о милостях войску низовых казаков за участие в первом походе на Крым.

«Мы, великие государи, наше царское величество, тебя, нашего величества подданного, низового запорожского кошевого атамана Григория Сагайдачного и все посполство пожаловали, велели Переволочанским перевозом владеть вам, войску низовому запорожскому; а вашим ли казакам у того сбора быть, или по приказу гетманскому его сборщикам и сборные деньги, что собрано будет, отдавать вам в войсковой скарб, и о том велено ему, гетману, учинить по своему рассмотрению. Да по нашей государской милости послано к вам наше великих государей годовое настоящее жалованье, деньги и сукна, по прежнему, с стряпчим Иваном Прокофьевым Свинцовым да с посланцами вашими, куренным атаманом Юском Михайловым с товарищи; да сверх того нашего великих государей настоящего годового жалованья послано к вам за вашу нынешнюю службу, что вы были в полках бояр наших и воеводе в крымском походе, из полка нашей царственной большой печати и государственных великих и посольских дел оберрегателя, ближняго боярина полка двороваго, воеводы и наместника новгородского князя Василия Васильевича Голицына денежной казны 500 Рублев, а велено ту нашу государскую денежную казну окольниковому нашему и воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву отдать бывшему кошевому атаману Федору Иванику с товариством на все войско низовое запорожское»⁵⁵.

Вместо ответа на милостивую царскую грамоту запорожцы послали в октябре месяце в Москву через казака Матвея Ватагу с 32 товарищами татарского языка, взятого в воинских промыслах над Белгородской ордой, причем, пользуясь таким случаем, казаки просили позволения взять в Сечь две медные со станками и колесами пушки, находившиеся на острове Кодацком в распоряжении Семена Любовникова, взамен старых, негодных к стрельбе пушек, находившихся в Сечи. За присылку татарского языка цари Иоанн и Петр с царевной Софьей Алексеевной благодарили запорожское войско особой грамотой, и на просьбу о пушках отвечали позволением – новые пушки с острова Кодацкого взять в Сечь, старые, негодные к стрельбе, отправить на Кодацкий остров; с острова Кодацкого они будут отправлены для починки в Киев, а из Киева, в надлежащем виде, будут возвращены снова в Запорожскую Сечь⁵⁶.

В это же время запорожцы отправили своих посланцев с «поганским языком» и в Польшу. С 26 сентября по 10 октября в городе Злочове находились 10 человек запорожских казаков со старшиной Вышетравцем, и им выдано было за все время пребывания в Злочове 523 злотых и 15 грошей⁵⁷.

Октября 4-го дня запорожцы написали Мазепе письмо, в котором поздравляли его с получением гетманской булавы, желали много лет оставаться на гетманском уряде, быть полезным своей отчизне Украине и своему малороссийскому народу, оказывать ласку войску запорожскому и не «хирхелёвать на искоренение войска, як начал было хирхелёвать над ним зрадца попович». Письмо отправлено было депутацией из четырех полковников и 80 человек рядового

⁵⁴ Собрание госуд. грамот и догов., IV, 551–558; Величко. Летопись. К., 1855, III, 50.

⁵⁵ Собрание госуд. грам. и догов. М., 1826, IV, 573; Архив Мин. ин. дел, 1687, № 25, св. 72.

⁵⁶ Архив Мин. ин. дел, мал. под. акты, 1687, св. 2, № 512–530.

⁵⁷ Архив королевского скарба, отд. III, кн. VII, л. 780.

товариства во главе с бывшим кошевым атаманом Федором Иваникой да Афанасием Марченком. Мазепа с большим удовольствием принял поздравление запорожцев, послал им гостинец по сто золотых, по одной куче горилки и по десять бочек борошна на каждый курень, а на атаманов куренных по кармазину, кошевому Григорию Сагайдачному и войсковой старшине, то есть судье, писарю и есаулу, вдвое против куренных атаманов⁵⁸.

Но напрасны были старания запорожцев: Мазепа не мог быть истинно национальным деятелем. Не мог быть потому, что по воспитанию и по понятиям он был более поляк, чем малороссиянин, и его натуре противны были все престолярные стремления и традиции малороссиян. Скрывая, однако, до поры до времени свои настоящие инстинкты, Мазепа, как ловкий, воспитанный и превосходно образованный человек, прекрасно подделался под тон Москвы и старался казаться поборником великороссийских интересов и монархических начал в Малой России. Русские цари безусловно верили искренности Мазепы и предоставляли в его руки все средства (русские войска и наемные компанейские полки) для обороны против его зложелателей и против мнимых врагов Великой России. Таким образом Мазепа, прикрываясь силой и правом, дарованными ему Москвой, выступил против стремлений низшего класса людей Малороссии и вместе с тем против массы запорожского войска. Но малороссийская масса и масса запорожского войска, понимая настоящие стремления Мазепы, всеми мерами противилась ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствам, длится целых двадцать лет (1687–1708) и составляет сущность отношений между Мазепой и запорожским Кошем.

Первое столкновение между запорожцами и Мазепой началось уже вскоре после избрания последнего на гетманство.

В декабре месяце кошевой атаман Григорий Сагайдачный известил гетмана Мазепу через нарочных посланцев о своем походе на басурманские вежи. Для этого похода собрано было пехотное и конное войско и взяты были войсковые клейноты. Пехотное войско под начальством самого кошевого ходило правой стороной Днепра под турецкие городки; конное войско под начальством атамана Ирклевского куреня Федора и бывшего кошевого атамана Филона Лихопоя ходило левой стороной Днепра. Поход увенчался полным успехом, и запорожцы «при многих трудах и храбрости, а особенно милостию божиего и счастьем их царского величества» захватили живыми нескольких человек татар «из городской орды», шедшей по направлению к Крыму на низовом шляху, лежащем над Черной долиной. Декабря 16-го дня походное войско было уже в Запорожской Сечи, и тут татарские «вязни» были подвергнуты допросу с целью добывания от них вестей о басурманских замыслах. После такого допроса решено было собрать большое посольство от всего запорожского войска, взять двух татарских «вязней» и отправить их в Москву для «ведомостей». Для поездки в столицу назначены были бывший кошевой атаман Филон Лихопой, атаман Ирклевского куреня Федор, атаман Титаровского куреня Ильяш, атаманы куренные – Конеловский, Каневский, Минский, Левушковский, Крыловский и к ним несколько рядовых казаков, в числе коих – Степан Рубан, Василь Мазин, Матвей Ирклевский (нужно думать, Ирклевского куреня), всех сего 40 человек. Выехав из Сечи, запорожские посланцы направились на Переволочну, Решетиловку, Гадяч, Конотоп и из Конотопа прибыли в Батурин. Гетман Мазепа, приняв запорожское посольство и узнав, в каком числе оно вышло из Сечи, нашел невозможным отпустить его в полном составе в Москву и, ссылаясь на царский по этому поводу указ, позволял ехать не больше четырех-пяти казакам. Запорожцы сильно противились этому, но гетман долго не уступал. Потом, однако, взяв во внимание то обстоятельство, что во главе посольства стоял Филон Лихопой, бывший кошевой атаман и «знатный человек в козацких подвигах», позволил идти в Москву Лихопою «сам-десять», а 30 человек из

⁵⁸ Величко. Летопись. К., 1855, III, 57–59.

его спутников оставил близ города Батурина на прокормление и обо всем этом своевременно известил князя Василия Васильевича Голицына через стольника Андрея Ивановича Лызлова.

Отпущенные из Батурина января 14-го дня 1688 года, запорожские посланцы прибыли в Москву января 24-го дня в числе не десяти, а одиннадцати человек и там при расспросе в приказе Малой России дали такого рода показания. Слышали они (уже в пути), что к Запорожской Сечи приходила в большом числе крымская орда и добывала ее в течение трех дней, но милостью Божией и счастьем великих государей «потехи себе и поиска никакого не учинила и пошла прочь от Сечи». О крымском хане от выходцев и от взятых языков им известно, что он возымел замысел и уже находится в полной готовности идти на малороссийские и великороссийские украинные города. О турецком султানে посланцы слышали, что он удушен, а на его место посажен другой, а кто именно – неизвестно. О Венгерской земле цесарского величества римского им известно, что там был бой с турецкими и с крымскими войсками и во время этого боя пало много татар и турок, в том числе калга-султан, тело которого отправлено было до Крыма. О королевском величестве польском ничего не известно, а пересылка у короля с ханом не было никаких.

Независимо от показаний запорожских посланцев дали свои показания и привезенные ими пленные басурманы – турецкой породы кызыкерменский житель Умерко Усманов и черный татарин села Октя Тугайко Шамакаев. Первый взят был запорожскими казаками на половине дороги от Кызыкерменя к Перекопу, куда он ехал с женой и с несколькими товарищами для покупки хлебных запасов. Запорожцы, напав на проезжавших татар, трех человек из них живьем в полон взяли да трех же человек и одну женщину зарубили, и только шесть человек татар от них «отсиделись». О положении дел в Крыму и в Константинополе Умерко Усманов сообщил такие сведения: турецкий султан действительно удушен и на его место посажен брат его Урхан-султан. Новый султан находится в Константинополе и оттуда прислал в Кызыкермень свой указ с известием о выступлении в город четырех тысяч человек пехоты с пушками и со всякими воинскими запасами «для осторожности от московских войск». Прежний султан был убит вместе с великим визирем собственными его приближенными людьми, турками и арабами, в Венгерской земле. В Венгерской земле у турок были бои многие и на всех боях тех туркам и татарам удачи никакой не было.

Другой полоняник, Тугайко Шамакаев, про султана, крымских татар и польского короля сказал те же речи, что и турчин Умерко. После сделанного показания оба полоняника били челом великим государям о дозволении им креститься в православную христианскую веру и о принятии их на русскую службу.

Изложив все обстоятельства, происшедшие в Сечи и в Венгерской земле, запорожские посланцы просили великих государей за верную царским величествам службу и за воинские походы пожаловать их поденным питьем и кормом на время прожития в Москве и при отпуске на время поездки из Москвы до Сечи.

По той челобитной запорожских посланцев приказано было навести справки, какой корм и какое питье даваны были низовым посланцам в прежние годы. По наведенным справкам оказалось, что в прошлом году были в приезде кошевые посланцы Матвей Царевский с Филоном Лихопоем и с другими товарищами, привозившие татарских языков, и что в то время им дано было денег на день по 2 алтына, вина по 3 чарки, меду по 1 кружке, пива по 2 кружки, а на отпуске денег по 4 рубля, сукна кармазинного, тафты и пару соболей в 4 рубля. Другим посланцам, бывшему кошевому атаману Федору Иванику и Афанасию Марченку с товарищами, ездившим в сентябре месяце с поздравлением к гетману Мазепе и оттуда являвшимся в Москву, дано было денег по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, а на отпуске – денег по 8 рублей, по сукну кармазину, по тафте одной, по паре соболей в 6 рублей

каждая пара. Третьим посланцам, приехавшим в Москву в октябре месяце, Матвеем Ватаге⁵⁹, с двадцатью тремя человеками товарищей и со взятыми в плен крымскими татарами, дано было денег – Ватаге по 2 алтына и по 2 деньги, казакам по 10 денег, вина Ватаге по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, казакам вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки на день, а на отпуске Ватаге – 6 рублей, сукно аглинское, тафта, пара соболей в 2 рубля каждая, казакам – денег по 4 рубля, по сукну аглинскому, по паре соболей в 2 рубля каждая пара, да в дорогу поденного корму на 3 недели по тому ж, по чему им давано в Москве; кроме того, ветчины три полтя, вина 2 ведра и пива 4 ведра, а для топления изб и для варения пици давано было по 2 воза дров на неделю да для вечернего сидения по 4 деньги свеч сальных на сутки, а на приезде, когда они были у руки великих государей, в тот день дан был им корм и питье с поденным вдвое.

Сообразно таким справкам приказано было выдать посланцам кошевого атамана Григория Сагайдачного Филону Лихопою, Федору, атаману Ирклеевского куреня, Ильяшу, атаману Титаровского куреня, да восьми человекам рядовых казаков «поденного корму и питья против приезду бывшего кошевого атамана Федора Иваника»: денег по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, Федору и Ильяшу и прочим казакам «против приезду Матвея Ватажника», первым по 2 алтына и по 2 деньги, казакам по 10 денег, вина Федору и Ильяшу по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, казакам меду по 2 чарки, пива по 2 кружки; а на приезде, когда они будут у руки великих государей, в тот день дать им корм и питье с поденным вдвое; а на отпуске дать им, Филону Лихопою 8 рублей, сукно кармазин, тафту, пару соболей в 6 рублей; Федору и Ильяшу денег по 6 рублей, по сукну аглинскому, по тафте, по паре соболей в два рубля пара на человека; восьми казакам денег по 4 рубля, по сукну аглинскому, по паре соболей в два рубля пара человеку да в дорогу поденного корму на три недели по тому ж, по чему давано им в Москве да, купя в ряду, дать два полтя ветчины; кроме того, с даточного двора дать два ведра вина, четыре ведра пива, а для топления избы и варения кушаньев по 2 воза дров на неделю да для вечернего сиденья по 2 деньги свеч сальных на неделю.

Назначенное по росписи содержание показалось запорожским посланцам очень скудным, и потому они подали челобитную о прибавке царского жалованья за их «верную службишку» в таком количестве, как сам Господь Бог известит великих государей». «Тем вашим великих государей жалованьем (по 10 денег на день), мы, холопы ваши, поденным кормом перед своею братьею оскорблены, и преж сего, государи, давано нашей братии поденный корм сполна и сверх поденного корму прислано было нашей братьи ваше великих государей жалованье на многие государские праздники, а нам, холопам вашим, вашего великих государей жалованья праздничного ничего не бывало; а того вашего великих государей поденного корму нам, холопам вашим, не стаёт и мы, холопы ваши, купя хлеб, соль и другой харч, живя в Москве, испродаемся»⁶⁰.

Великие государи по той челобитной приказали выдать казакам сверх поденного корма и питья 5 ведер вина, 10 ведер меду и 10 ведер пива, 2 полтя ветчины да 1 стяг говядины, и после этого запорожцы, по-видимому, остались довольны царской к ним милостью.

Все запорожские посланцы отпущены были из Москвы февраля 6-го дня. Вместе с ними посланы были царские грамоты к гетману Ивану Мазепе и к кошевому атаману Григорию Сагайдачному. В грамоте к Мазепе цари похваляли гетмана за то, что он не пустил всех сорока человек запорожских посланцев в Москву, и предписывали ему на будущее время пускать не более 2 или 3 человек. Кошевому атаману Сагайдачному выражалась благодарность за верную войска запорожского службу с наставлением и впредь с такой же верностью великим государям служить и над неверными басурманами вольный промысл чинить⁶¹.

⁵⁹ Он же называется Матвеем Ватажником.

⁶⁰ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 73, № 11.

⁶¹ Там же.

В то время, когда посланцы запорожских казаков находились в Мрскве, в это самое время кошевой Григорий Сагайдачный, задумавший предпринять новый поход против басурман, но не имевший у себя на то достаточных сил, обратился к гетману Мазепе с просьбой о высылке в Сечь вспомогательного отряда около 1000 человек из малороссийских казаков⁶².

Мазепа, обязавшийся в качестве региментаря запорожского войска оказывать запорожцам помощь в борьбе с неверными, ответил Сагайдачному через нарочно посланного в Сечь казака Тимоша Пиковца письмом о готовности прислать кошевому военную помощь для борьбы против басурман.

Однако прошло много времени, и запорожцы, не видя от гетмана никакой помощи, а чрез то не имея возможности начать похода против басурман и испытывая большой недостаток в прокормлении своих лошадей, решили отправить из Запорожья в украинские города на зимовлю несколько сот человек конного войска. Недовольный таким постановлением запорожского войска, гетман послал кошевому атаману Григорию Сагайдачному через товарищей Полтавского полка свой лист и в том листе писал, что из Запорожья уже слишком много, не в пример прошлым годам, вышло на зимовлю в украинские города низового товариства, и то товариство причиняет большую доuku жителям.

Запорожцы, получив гетманский лист, по своему обычаю, прочитали его в своей посполитой раде и, выразумев смысл того листа, чрез тех же товарищей Полтавского полка ответили Мазепе, что во всем этом деле сам же гетман и виноват, потому что он не позаботился прислать вспомогательного войска от себя для совместной борьбы малороссийских и запорожских казаков против басурман. «Если б войско городовое было при нас, то мы, взяв Бога на помощь, по нашей силе, чинили бы в пристойных местах промысл над неприятелями святого креста и в города бы не шли. А великая доука украинским людям происходит не от нас, а больше от компанейцев и сердюков, которые уже с давних лет сидят (в городах) и утеснение людям чинят. Сердюки и компанейцы и по настоящее время великим государям не оказали еще службы никакой: а мы, войско запорожское, будучи под высокодержавною пресветлых монархов рукой и работая верно службой своей, чиним промысл над крымскими и турецкими людьми по нашей силе на обыклых местах»⁶³.

Глухое недовольство запорожцев на гетмана Мазепу скоро перешло в открытое, и они явно стали возбуждать народ Миргородского и Лубенского полков против притеснявших чернь полковых старшин. Этим хотел воспользоваться гетман заднепровской стороны, принадлежавшей Польше, Андрей Могила⁶⁴, выбранный в гетманы еще в 1685 году в городе Немирове после смерти гетмана Куницкого⁶⁵. Мазепа перехватил одно письмо Могилы к запорожцам и поспешил донести о том в Москву. Из Москвы получен был приказ укротить запорожцев оружием с помощью бывших в распоряжении Мазепы великороссийских полков.

Запорожцы, не подозревая о таком распоряжении, послали Мазепе новое письмо.

На этот раз они обратились к гетману с упреком за то, что он нарушает исконные права запорожского низового войска. Гетман, принимая в свои руки булаву, дал обещание быть «во всем желательным» запорожскому войску, а теперь вдруг совершил неслыханное за все время существования войска дело: он задержал посланного из города Немирова от польского гетмана Андрея Могилы в Запорожскую Сечь казака с листом. Это – такое дело, на которое ни один из предшественников Мазепы не отваживался: «Мы, войско запорожское, по милости Божией, перед светлыми монархами нашими по сие время ни в чем не потеряли веры. Прочет те листы, умели бы к пресветлым монархам отослать и вашей вельможности объявить. Того для покорно

---

⁶² Там же, мал. под. акты, 1688, № 502.

⁶³ Архив Мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

⁶⁴ В актах он называется Могиллой, у Бантыш-Каменского Мигулой.

⁶⁵ Бантыш-Каменский. История Малой России. М., 1882, II, 164; III, 10.

вашей вельможности просим: изволь Нам, войску, объявить, о чем там писано, и прислать список с тех листов, чтоб войско не скорбело о том»⁶⁶.

Высказав свое неудовольствие, запорожцы при всем том не хотели мстить злом за зло и извещали гетмана Мазепу через своего кошевого атамана Григория Сагайдачного о действиях и намерениях врагов святого креста, крымских и белгородских татар: крымский хан находился в Крыму; Кантемир-султан с частью орды ради наставшего голода в Крыму пошел против черкес; калга-султан в Белгородчину пошел; а крымские чаусы постоянно приказывают, чтобы орда, по возвращении двух названных султанов домой, готовилась в поход на Русь. По этому случаю запорожцы давали гетману совет – разослать универсалы всем жителям городским с предупреждением быть готовыми к отпору врагов, а о дальнейших действиях их обещали немедленные и точные известия подавать⁶⁷.

На все упреки запорожских казаков гетман Мазепа отвечал им по статьям. Во-первых, большого войска не высылал он из Украины в Запорожье потому, что боялся оставить Украину без защиты в случае прихода крымского хана с ордой, который, по настоятельным слухам, постоянно доходившим из Крыма в малороссийские города, действительно имел намерение сделать на Украину набег. Ради этой причины гетман с самой осени и до последнего времени всех малороссийских казаков в вооруженной готовности держал и как собственное, так и «охотничье» войско утруждал, а оттого и не мог отправить на зимнее время нужное число войск в Запорожский Кош. Во-вторых, верно служа их царским величествам и желая сохранить хлебные «монаршеские» запасы под Кодаком, гетман отправил туда для оберегания запасов более полутора тысяч человек казаков; кроме того, с тою же целью гетман послал из великороссийских и малороссийских городов ратных людей к другим местам, что также послужило причиной помехи отправления из Украины в Запорожье вспомогательного отряда войск. В-третьих, украинское конное войско казаков не было и по другим причинам послано в Сечь: вследствие трудности из Украины в Запорожье пути, вследствие сильных морозов, свирепствовавших на ту пору в краю; вследствие недостатка в Запорожье кормов, отчего и сами запорожские казаки бросали свои места и шли на прокормление в города, к тому же и украинские кони не привыкли добывать себе из-под снега кормов. Посылать же запорожцам пехоту не было цели никакой, потому что конного неприятеля можно только конным войском воевать. Пехоту же можно было послать лишь в самую Сечь, но Сечь и самими добрыми молодцами, при помощи Божией крепка. Гетман посылал «немалое войсковое собрание» с есаулом Войцею под город Кызыкермень и по этому поводу писал к запорожцам в Сечь, чтобы и они приняли участие в походе полчан под Кызыкермень или под другой какой-либо турецкий городок. Однако запорожцы в том походе Бойцы участия почему-то не приняли и тем в немалое удивление гетмана привели. Относительно полезности или бесполезности компанейских конных и пехотных полков гетман, вопреки заявлению запорожцев о бесполезности их, утверждает противное тому, что они «не без потребы в малой России пребывают». Наемные войска и в других государствах с давних пор имелись и теперь имеются, и содержатся они «для скорейшего в военном деле поступка». В Малой России пехотные и конные полки, находясь во всегдашней готовности к войне, не только не приносят какого-нибудь вреда, напротив того, служат «для всенародной целости щитом»: где только окажется надобность в войсках, туда они по приказанию региментарскому немедленно спешат и немедленно дают отпор врагам; тогда как малороссийские казаки, занятые своим хозяйством, несмотря на крепкие приказы гетмана, не могут так поспешно выступать в поход: «Того ради оставьте, ваши милости, нелюбовь против оных, но любите их по братскому приятельству, помня, что вы и одной породы, и одной веры, и у одних пресветлых монархов находитесь в обладании». А что касается задержки Могилина посланца,

---

⁶⁶ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688, св. 74, № 25.

⁶⁷ Там же.

ехавшего из Немирова с листом в Запорожскую Сечь, то гетман уверяет казаков, что он сделал то не из какой-нибудь неприятности к ним, а «из подлинной нужды и должности своей», потому что, храня верное подданство их царскому пресветлому величеству, он не только не смеет, но и не желает скрывать перед светлыми монархами присылку «зарубежных» листов. А так как Могила послал свой лист через малороссийские гетманского регимента города, то гетман иначе не мог и поступить, как задержать его у себя и объявить о том пресветлым монархам в Москву. От монархов же гетман получил милостивый указ прислать тот лист в Москву, в Малороссийский приказ, что и было в точности исполнено им. Когда же пресветлые монархи усмотрели, что в том листе шла непристойная и противная мирному договору речь от Могилы к запорожским казакам, то они решили написать о том польскому королевскому величеству с просьбой возбранить Могиле такую безрассудную смелость. «Ваши милости, ведайте, что пресветлейшие и державнейшие монархи наши, их царское пресветлое величество, установив вечный мир с его королевским величеством, навеки в мирных договорах утвердили и с обеих сторон полными присягами закрепили то, что как городовым, так и низовым войском запорожским надлежит владеть превысокому царскому пресветлому величеству и никто со стороны королевского величества не смеет ни посылать своих листов, ни вносить словесных, противных миру, речей как в города нашего регимента, так и на Запорожье... Исполняя приказание своих монархов и охраняя мирные договоры, я потому и задержал тот лист Могилы. О моем же расположении к вашим милостям, добрым молодцам, вы можете судить по тому, что я уроженец того же малороссийского края, как и вы; происходя от тех же предков войска запорожского, я должен верно служить их царскому пресветлому величеству и никогда не думал желать вам зла, на против того, думал об умножении всякого счастья для вас. Вы сами можете судить о моем усердии к вам после пребывания в прошлую осень тысячи человек вашего товариства у нас, когда я одних сукнами, других деньгами, третьих шубами удовольствовал, не считая того, что особо послано к вам на Кош... Изложив все это вашим милостям, предлагаю и советую вам поступать так: если вы получите откуда-нибудь мимо нашего ведома и мимо нашей воли письма, без воли царского пресветлого величества и без нашего гетманского ведома не отписывать на них, но присылать их к нам, а мы к царским пресветлым величествам будем их отсылать и сообразно указу царского величества будем поступать, чтобы и волю монаршескую исполнить, и мирный договор соблюсти»⁶⁸.

Лишая запорожцев возможности самостоятельно сноситься с царственными и властными лицами соседних им держав, гетман Мазепа при всем том требовал от них, чтобы они доставляли ему всякие сведения о военных действиях и намерениях турок и татар.

Так, когда распространился слух о низвержении Магомет-султана с престола, то гетман обратился к запорожцам с просьбой доставить ему «подлинные вести о неприятельском поведении басурман». Но запорожские казаки, имевшие столько причин к недовольству на гетмана, ответили ему «язвительным выговором, присланным на письме», и тогда гетман занес на них новую жалобу в Москву⁶⁹.

Однако эти пререкания между запорожцами и гетманом Мазепой скоро прекратились и ни к каким на этот раз серьезным последствиям не привели. В начале месяца марта запорожцы послали гетману Мазепе очень длинный лист и в этом листе просили о закреплении за войском низовых доходов с Переволочанского перевоза на Днепре, о присылке в Сечь бубен и армат и рочного, или годового, жалованья, о подтверждении исконных вольностей казаков, об извещении военных замыслов гетмана в предстоящем лете против басурман и присылке в Сечь нескольких тысяч рублей для уплаты сторожевым казакам. Что же касается известия гетмана об отправлении им под турецкие городки войскового есаула Бойцы с отрядом малорос-

⁶⁸ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688, св. 74, № 25.

⁶⁹ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688, св. 74, № 25.

сийских казаков в помощь запорожским казакам, то запорожцы свидетельствовались Богом, что от Бойцы они не получали никаких вестей.

«Вельможный мосце пане гетмане войска их царского пресветлого величества запорожскаго, а наш вельце мосцивый пане и добродею в наставшее время постного поприща нам, всему войску низовому, пришло на мысль поздравить вельможность вашу с постом святым четыредесятницей: дай, Христе Боже, вельможности вашей сей пост святой в добром здравии и в счастливом на многия лета пановании проводить его, дабы Господь всемилостивый, при добром здоровье, даровал вам должайший век для опоры веры христианской, на страх и разорение всем врагам и неприятелям креста Христова, на победу и утешение христиан, и дабы вы дождались святых страстей Его, а потом трехдневному воскресению поклонились – того мы сердечно, по нашей искренней расположенности, желаем. Когда посланные с листом вельможности вашей прибыли до Коша к нам целы и невредимы, тогда мы, приняв из рук их лист вельможности вашей, сообразно обычаю нашему войсковому, в посполитой раде публично его прочитали и уразумели, что вы, вельможность ваша, пишете нам в ответ на прежний наш лист и на реляцию нашу, какую мы пред сим вельможности вашей писали, с посланными вельможности вашей мы посылаем и собственных благоразумных товарищей наших, Власа, Костю и Моисея, с листом о нуждах и потребностях наших. Прежде всего напомним вельможности вашей о Переволочанском той стороны перевозе. Этим перевозом жаловали нас пресветлые монархи наши за нашу верную працу и службу, пишучи к нам в поважных монаршеских грамотах своих прошлую осенью за счастливого рейментарства вашего, дабы с него на наши низового войска нужные потребы пожитки отбираемы были. Тогда и вельможность ваша, тому не перечая, писал к нам, через посланных наших, сдаваясь на волю войсковую нашу, чтобы мы, для отобрания доходов наших, держали там дозорцу нашего. Как и прежде писали мы вельможности вашей, желаем мы, чтобы на том тракте в оставался дозорца, высланный от вельможности вашей, а причитающаяся нам от того перевоза деньги, на каждый год по 12 000 рублей на Кош присылались. Так и теперь мы до вельможности вашей пишем, вам подтверждая и напоминая, добродею нашему, дабы тот перевоз наш, дарованный от пресветлых монархов наших, ни в чем не был нарушен, и денег на каждый год с того перевоза Нам, войску низовому, дабы присылалось; теперь же вельможность вашу просим прислать нам с ласки вашей на расходы войсковые наши выбранные от прошлого года деньги с того перевоза. Но кроме того пресветлые и премилосердые монархи наши от милостивых щедрот своих жалуют каждый год нас, слуг своих и верных подданных, обыкновенным своим ежегодным жалованьем и за верную нашу им, великим государям, службу милостивым монаршим жалованьем нас обсылают. Так и вельможность ваша, как рейментарь к настоящий опекун наш, изволь каждый раз напоминать о том рочном жалованье и о всех наших недостатках войсковых пресветлым монархам нашим. А больше всего постарайся о том, чтобы нам было так, как было за блаженной памяти отца их, к Богу отошедшего, великого государя, царя Алексея Михайловича, за рейментарство славной памяти Ивана Брюховецкаго, когда Нам, войску низовому, на каждого человека присылалось по жупану да по двенадцати коп. денег. Потом, по взятии небожчика Брюховецкаго на тот свет, сколько после него не было гетманов и рейментарей, то все они на свой пожиток то жалованье обращали да и теперь обращают. Мы просим вельможность вашу, как добродея нашего не лишайте нас, как слуг своих, панской любви и зичливости вашей; окажите ваше усердие и постарайтесь все то, что доходило нам с давних времен, испросить у пресветлых монархов наших. Как прежние, отошедшие к Богу, великие государи наши, отец их превеликих государей, и брат, содержали нас, войско запорожское низовое, в своей монаршей милосердой ласке и призрении, во всяких правах, свободах и вольностях войсковых, так и настоящие государи наши, как содержать нас при всех тех вольностях, так и впредь да будут нас в милости своей содержать и ласку свою монаршескую нам во всяких желаниях да оказывают, по старанию и ходатайству вельможности вашей, добродея и опекуна нашего. В этом мы и на будущее время имеем

надежду с своей стороны, увидя такую ласку от пресветлых монархов наших и от вельможности вашей, мы будем готовы верно и радетельно служить им, проливаяючи пот свой за имя Бога нашего на превысокую славу пресветлых монархов наших, на пожиток христианству всему. Писали мы пред лик вельможности вашей, дабы вы с ласки панской вашей сообщили нам, войску низовому, о замыслах своих военных на предстоящее лето, ежели будете собираться на неприятеля креста Господня; и теперь о том покорно просим, чтобы вельможность ваша через сих наших посланных отписали и обо всем объявили. А как просили мы вельможность вашу, чтобы вы для сторожи несколько тысяч нам прислали, так и теперь покорно просим: изволь, вельможность ваша, как отец и опекун, о нас, тебе верных слуг, промышляти и нам для сторожи несколько тысяч прислати, ибо, ваша панская милость, сам добре знаешь, что мы, тут оставаясь, ни сеем, ни орем, только от работы своей имеем. Также об арматах и о бубнах, как уже несколько раз писали, так и теперь наипокорно просим, чтобы вельможность ваша к нам на Кош несколько штук армат и бубен без отказа прислали. Пишешь, вельможность ваша, до нас, укоряя о невысылке войска нами и поставляешь всем нам на видеявный, что ты Бойцу, есаула, с немалою купою войска под Кызыкермень послал и через него до нас, войска низового, писал, высказывая желание, чтобы мы на славу пресветлых монархов наших, любовною згодою, либо под Кызыкермень, либо на другое место сообща с тем войском над неприятелями промысл попрацовали. Этого мы и сами очень хотели, да и время у нас на то было. Но Бог свидетель душам нашим, что никакими письмами мы не были извещены от пана есаула и в тот час о том узнали, когда он городки те (турецкие) увидя, назад с войском повернулся. Очевидно, пан Бойца подобным умыслом хотел так поступити, дабы только ему одному, а не нам, войску, досталась слава; однако это иначе случилось, и лучше и для славы и для пожитка было б, если бы он дал знать и нам, войску низовому. Доложено в лист вельможности вашей о пехотах и о компаниях, дабы мы не показывали вражды им, но миловали по-братерски згоду, как люди одной породы, одной веры и одних пресветлых монархов. Все мы это хорошо знаем; но и то знаем, что хотя через нас больше працы и услуги пресветлым монархам нашим происходит, но к нам, войску, такой платы, как им, не доходить – им каждый год по кафтану, по кожуху и по несколько коп. грошей платят; о том мы имеем скорбеть немало. Таким образом, поручив вашему вниманию посланцев наших и пожелав доброго здравия вельможности вашей, отдаем ласке вашей панской, с Коша марта 3, року 1688. Вельможности вашей, добродеея нашего, всех бояр щиро зичливый и в услуге повольный слуга Григорий Сагайдачный, атаман кошовый войска их царского пресветлого величества запорожского низового с товариством»⁷⁰.

---

⁷⁰ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688, св. 6, № 532–514.

Глава 3

Царский указ о построении на реке Самаре крепости Новобогородицкой. Протест по этому поводу со стороны запорожских казаков. Письмо запорожцев к гетману Ивану Мазепе в Батуриин и дворянину Семену Москалю на остров Кодак. Просьба, отправленная запорожцами к царям о нестроении на запорожской земле городов, и ответ на то запорожцам со стороны царей. Построение городов Новобогородицкого и Новосергиевского. Награда, данная Мазепе и генеральной малороссийской старшине за построение крепостей. Присылка запорожцам царского жалованья и благодарность за то от войска царям. Посольство от кызыкерменского бей к запорожским казакам и волнения по тому поводу в Запорожье. Розмир запорожцев с татарами и походы их на Низ к турецким городкам

Возникшие пререкания между запорожскими казаками и гетманом Мазепой, на время было прекратившиеся, снова возобновились по поводу затеянного московским правительством сооружения русских крепостей на реке Самаре, у северо-западных пределов запорожских вольностей. Сооружение самарских крепостей взял на себя Мазепа уже в самый день избрания его в гетманы. По первоначальному плану Москвы таких крепостей должно было быть несколько: в царской грамоте на пожалование Мазепе гетманского уряда говорилось, чтобы он «для утеснения и для удержания Крыма от нахождения поганских орд на великороссийские и малороссийские украинные города, сделал на сей стороне Днепра, против Кодака, шанец, а на реке Самаре, на речке Орели и на устьях речек Берестовой и Корчика (Орчика) построил бы города и населил бы их охочими малороссийскими людьми»⁷¹.

Однако на первых порах дело ограничилось пока построением двух крепостей на реке Самаре. С этой целью апреля 18-го числа 1688 года гетману Мазепе через стольника Андрея Ивановича Лызлова послана была царская грамота с приказанием собрать 20 000 человек войска малороссийских казаков для строения самарских крепостей и для промысла над Крымом. В помощь гетману назначен был и воевода Григорий Иванович Косагов⁷².

Со стороны московского правительства построение крепостей на границе Запорожья, кроме открытой цели иметь постоянный базис для войны с басурманами, заключало в себе и скрытую цель занять наблюдательный пост в виду поселений запорожских казаков и обезвредить действия их, а потом, с течением времени, и совсем прибрать к своим рукам. Запорожцы ясно видели, какую цель соединяла Москва с построением самарско-орельских крепостей, и стали на страже своих собственных интересов.

Первая весть о приказании построения на реке Самаре городов дошла до запорожцев не от гетмана, а от их посланца Филона Лихопоя, находившегося в то время в Москве и отправленного туда за получением царского жалованья для войска. Запорожские казаки, узнав о таком распоряжении московского правительства, поспешили написать (апреля 24-го дня) лист к гетману Мазепе с извещением, что ни кошевой атаман Григорий Сагайдачный, ни все войско запорожское низовое, верховое, днепровое, кошевое, будущее на лугах, на полях, на паланках, и на урочищах днепровых и полевых со всем посполством старшим и меньшим, не позволят ставить никаких городов на реке Самаре. Войско немало дивится приезду на реку Самара от воеводы Леонтия Романовича Неплюева дворянина Семена Григорьевича Москаля с острова Кодака, где он оставлен был после первого похода на Крым при «государских» хлебных и военных запасах. Этот дворянин Семен Москаль вместе с полтавским хорунжим явился неожиданно.

⁷¹ Ригельман. Летописное повествование. М., 1847, III, 8.

⁷² Архив Мин. ин. дел, 1688, св. 75, 76, 79, № 50, 72, 113.

данно для запорожцев «в лесную пушу и пасеку векуистую дедизную войсковую» и стал осматривать там на Кильчени и на Самаре места для сооружения крепости. «На каком основании, каким способом, чьим советом и поводом это делается, мы немало тому дивимся: от века в векуистой пуше нашей никто не ставил никаких городов; не было этого даже и тогда, когда мы находились под владением панов отчизных, ляхов, которые не выпирали нас из праде дезны нашей и из пасеки войсковой и никаких, кроме Кодака, не строили у нас городов».

Запорожцы просили гетмана Мазепу, как законного рейментаря своего, заступиться за них перед великими государями и исхлопотать царский указ о нестроении никаких городов на реке Самаре и тем «не вкорочать» им их вольностей войсковых, за что обещали «барзо и горячо» молить Господа Бога подать помощь богохранимым силам монаршим, также самому гетману вельможному, всем православным людям и всем рыцарям христианским против «агарян, неприятелей креста Господня», все их крепости в ничто обратить, всю реку Днепр от них очистить и все выходы, давние козацкие проторить. Не за грунт, не за маетности и не за роскоши луговые, а за вольности войсковые, за превысокую славу монархов и за набитки людей посполитых запорожцы всегда верно великим государям служили. Да и теперь они всегда «с достоинством груди свои подставляют, головы свои молодецкие покладают и нещадно кровь свою и пот проливают не за что другое, не за какие-нибудь ужитки, а только за помянутые вольности и за церкви божи».

Посылая Мазепе этот лист, запорожцы вместе с тем отправили к нему одного татарского языка, пойманного под турецким городком, и напоминали гетману о недавней отправке к нему трех своих казаков с изложением потребностей и нужд как самого войска, так и стоявшей в ту пору запорожской сторожи на Низу для своей сторожи запорожцы просили прислать две тысячи рублей денег, потому что само войско, по своей бедности и по израсходованию всех медных денег, находившихся в скарбнице войсковой, не имело чем стороже от себя заплатить⁷³.

Вслед за посланным письмом гетману Мазепе запорожцы послали письмо на остров Кодак дворянину Семену Григорьевичу Москалю с тем же извещением, что они ни в коем случае не позволят строить на Самаре городов, хотя с полным самоотвержением готовы воевать против неверных и за имя Бога и за царя⁷⁴.

Не довольствуясь письмами к Мазепе и к дворянину Москалю, запорожцы июня 5-го дня отправили в Москву посланцев со взятым ими татарским языком и через них заявили свою жалобу на построение самарских крепостей самим государям и правительнице Софье Алексеевне.

Из Москвы на жалобу запорожских казаков послана была июня 14-го дня на имя кошевого атамана Григория Сагайдачного царская грамота, в которой говорилось, что гетман Мазепа вышел из Украины не для чего иного, как для похода против басурман и строит самарские крепости не против запорожцев, а против исконных врагов святого креста.

«Божью милостию от пресветлейших и державнейших великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны, всея Великие и Малые, и Белые России самодержцев и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчичей и дедичей, и наследников, и государей, и обладателей нашего царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Григорию Сагайдачному и всему будущему при тебе посполству наше царского величества милостивое слово. Указали мы, великие государи – наше царское величество, ближнему нашему окольничему и наместнику карачевскому Леонтию Романовичу Неплюеву с великороссийскими конными и пешими ратными многими людьми да верному подданному нашему войска запорожского обоих сторон Днепра гетману Ивану Степановичу с

---

⁷³ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688, св. 6, № 542–524.

⁷⁴ Там же, № 541–523.

малороссийскими полками идти на нашу великих государей службу для промысла над неприятельскими крымскими людьми и под городки, под Кызыкермень и иные. Да им же окольниковому нашему и воеводе, и подданному нашему гетману, указали мы, великие государи, за помощью божиего и за предстательством пресвятыя Богородицы и за молитвами московских и киевопечерских чудотворцев на реке Самаре для наивящего неприятелю утеснения и для защищения от их же неприятельского приходу на великороссийские и малороссийские города, а паче защищая самих вас, наших царского величества подданных в Сече живущих, построить город и быти тому городу для пристанища нашим царского величества ратным людям и для склада всяких запасов впредь, даст Бог, воинского на Крым походу. А ныне нам, великим государям, нашему царскому величеству, ведомо учинилось, что у тебя, атамана и у всего войска низового, о том городовом строении некое сомнение быти имеет, будто бы тем строением права и вольности ваши были нарушены и в рыбных ловлях, и в пасеках, и в звериных добычах учинились убытки, о чем вы и к подданному нашему, гетману, писали. И мы, великие государи, наше царское величество, вас, атамана и все низовое войско, сею нашею царского величества грамотою милостивою обнадеживаем, что вам, кошевому атаману и всему войска низового запорожского посполству, та на Самаре крепость в тяготу и во отнятие пожитков ваших ничем быти не имеет и права ваши и вольности нарушены никогда не будут, а пасеки и рыбные ловли и всякую добычь на обыклых местах имети б вам по-прежнему без всякого сомнения, а обидимы ни от кого не будете; в том бы вам на нашу царского величества милость быти надежными; а когда по милости божией у нас, великих государей, у нашего царского величества, нынешняя война с крымскими людьми престанет, и тогда в той Самарской крепости наш царского величества указ милостивый учинен вам будет. А то вышепомянутое городовое строение делается не для иного чего, только для славы имени божия и на защищение великороссийским и малороссийским народам, а паче и самих вас, от нашествия поганых басурман и для промысла над ними. И вам бы, кошевому атаману и всему войска низового запорожского посполству, сей наш великих государей указ ведать и нам, великим государям, нашему царскому величеству, служить верно и над общими всех христиан неприятелями, над турскими и крымскими людьми, воинский промысел, при помощи божией, чинить обще с нашими царского величества великороссийскими и малороссийскими ратьми, а с крымским ханом и с турскими городками не мириться и ни о чем с ними не ссылаться; а служба ваша у нас, великих государей, никогда забвенна и милость наша государская от вас отъемлема не будет»⁷⁵.

Одновременно с царской грамотой отправлен был к запорожским казакам и гетманский лист. Гетман, подобно царям, писал запорожцам, что возводимые на Самаре крепости строятся по приказанию великих государей, перечить воле которых ни в коем случае нельзя, и что цель построения этих крепостей не «утиск и обида» для низового запорожского войска, а защита его и всего малороссийского народа от неприятелей. Письмо Мазепы отправлено было запорожскому войску через казака Семена Вергуна, который вместе с тем вез кошевому атаману Григорию Сагайдачному подарок от гетмана в тысячу червонцев. Отправляя своего посланца в Запорожскую Сечь, гетман Мазепа через него же извещал казаков о предпринимаемом походе своем на самарские броды и о намерении от Самары идти на Крым, а также о скором прибытии с той же целью воеводы Григория Косагова на Запорожье⁷⁶.

После всего этого запорожцам ничего другого не оставалось ответить гетману, кроме того, что перечить воле государей они не смеют⁷⁷, и тогда гетман Мазепа поспешил известить о том царей через особо посланное (июня 23-го дня) письмо в Москву. В своем письме Мазепа

⁷⁵ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688, июня 14, св. 2, № 555–531. Копия этой грамоты в малороссийских делах, св. 76, № 66; на последней, в конце, стоит помета: «Свидетельствовал войска запорожского низового войсковой писарь. Иван Глоба».

⁷⁶ Там же, № 70, св. 76.

⁷⁷ Величко. Летопись. К., 1855, III, 62.

писал, что кошевой атаман Григорий Сагайдачный с покорностью явился на остров Кодак и взял оттуда новые пушки, присланные из Москвы взамен старых для запорожского войска. Князю Василию Голицыну гетман Мазепа сообщил, независимо от письма к царям, «о несопротивлении запорожцев царской воле касательно построения крепости на реке Самаре»⁷⁸.

Затаив в себе на время чувство недовольства за построение русских крепостей на реке Самаре, запорожские казаки перенесли свое внимание на ближайших своих соседей, турок и татар. Весной 1688 года куренные атаманы Кузьма Порывай да Иван Шумейко с 15 товарищами отправились для воинского промысла из Сечи к устью Днепра. Выйдя к морю и миновав турецкие городки, Порывай и Шумейко заняли там наблюдательный пост и оставались в таком положении до Петрова дня. Накануне самого Петрова дня они узнали, что к ним ехали еще три конных казака с шестью конями. Но об этом проведал кызыкерменский бей и послал за ними «для взятия языка» на двух лодках турок, 35 человек. Посланные турки, отошед от Кызыкермена на 3 дня пути, остановились в урочище Кардаш-Урман и пробыли там 17 дней; на 18-й день наехали к ним на стан три конных запорожских казака, и турки немедленно обступили их кругом. Но так как в том месте было болото, то турки могли схватить только одного казака с шестью конями, а другие два ушли в болото и «оттопились» от своих преследователей. Захваченного в плен казака турки послали в город Кызыкермень лодкой, а взятые при нем шесть голов коней отправили туда же полем с двумя турками, между коими был Ахмет Рамазанов из Кемлова. Но когда турки, шедшие полем, отошли всего лишь на три часа пути от урочища Кардаш-Урма, то на них наскочили казаки, стоявшие при устье Днепра, отбили всех коней у них, захватили в полон турчина Ахмета Рамазанова и с этой добычей поспешили в Сечь⁷⁹.

В Сечи бывший на ту пору кошевой атаман Филон Лихопой дал Кузьме Порываю и Ивану Шумейку свой лист и отпустил их с четырьмя товарищами к гетману Мазепе, выехавшему в то время на реку Самару в виду постройки на ней московского городка. Кошевой просил гетмана наградить посланных казаков «за их верные труды» и отправить к великим государям в Москву. Мазепа, приняв июля 20-го дня Кузьму Порывая и Ивана Шумейку и расспросив их обо всем случившемся с ними на устье Днепра, отпустил их в числе семи человек⁸⁰, после совета с воеводой Неплюевым, в Москву.

Кузьма Порывай и Иван Шумейко прибыли в Москву августа 10-го дня, были у царской руки и, рассказав там о бывшем деле на устье Днепра, прибавили к тому несколько вестей о крымском хане, польском короле, запорожском войске и о действии русских строителей крепости на реке Самаре. Крымский хан, по их словам, находился в Крыму; польский король стоял на Глиняном поле; запорожские казаки – в розмирье с турками, а русские люди – при постройке крепости на Самаре-реке: «Как были они на Самаре-реке, то при них городской стены сделано было в вышину человека в два. А что город тут построен, то им от того утеснения никакого в том нет и о том (они) благодарят Господа Бога».

В Москве пожелали отобрать сведения и у самого турчина Ахмета Рамазанова. К сказанному казаками Ахмет Рамазанов прибавил вести о калга-султани, который, по его словам, воротившись из Венгрии, стоял за Бугом над Делигулом, выше Кочубеева (теперь Одессы), с сорока или тридцатью тысячами человек орды татар калга-султан имел приказ от хана оберегать Крым и турецкие на Днепре городки от христианских войск. Самому хану от турецкого султана было извещено, чтобы он не надеялся на помощь от него и самолично защищал Крым от врагов. Турецкий султан с визирем живет в Царьграде, а султанские войска с сераскер-пашой стоят в Бабе. В городе Кызыкермене находится не больше 1000 человек «всяких чинов людей», остальные, вследствие голода, разбежались еще в прошлом году, и хотя в Кызыкермень при-

⁷⁸ Архив Мин. ин. дел, 1688, св. 76, № 70–75, подл. мал. акты, № 541–560, 512–561.

⁷⁹ Другой турчин успел уйти и скрыться в болоте.

⁸⁰ Между ними были: Степан Иванов, Василь Буденко, Семен Кращенко, Кирилл Бобренко и писарь Гришко.

слано из Царьграда 20 с хлебом стругов, но того хлеба не станет и на полмесяца жителям городка. Об Ураз-мурзе и его белгородской орде слышно то, что с ним польские сенаторы чинят договор, чтобы сделать размен пленных с той и другой стороны. А с запорожцами у турок никаких пересылок нет⁸¹.

Не успели Кузьма Порывай и Иван Шумейко отъехать из Москвы, как тут же явились новые от запорожского войска посланцы, куренные атаманы Иван Лотва и Макар Донской с товарищами.

Причина их приезда в Москву была такова. Гетман Иван Мазепа и воевода Леонтий Неплюев, стоя таборами на речке Кильчени, получили известие от каких-то людей, будто бы «запорожцы взяли себе намерение учиниться упорными против монаршеского указа и учинили перемирие с крымским ханом и с турецкими городками». Желая проверить это известие на месте, гетман Мазепа и воевода Неплюев отправили июля 11-го дня в Запорожье нарочных посланных с увещательными письмами к низовым казакам. Запорожцы, прочитав те письма, стали «выговариваться из такового оболгания» и сперва написали о том гетману и воеводе письмо; а потом послали двух своих куренных атаманов Ивана Лотву да Макара Донского с шестьюдесятью товарищами, выбранных всем войском⁸². Они «крепко обязывались, что у них никакой противной мысли не бывало, и обещались, что они, как на вечное подданство великим государям святой крест целовали, так верно до скончания жития своего пресветлейшим монархам своим служить имеют, а тех оболгателей, которые, их в должности надлежащей неистовствии ославляли, просили гетмана наказать жестоким наказанием». Правда, запорожцы получили лист от кызыкерменского беглербея, но тот лист доставил им толмач немировского гетмана Могилы, и касался он исключительно вопроса о размене пленных. Толмач был послан господином Могилой для окупа невольников и ходил с той целью по Белгородчине и по всему Крыму и оттуда отпущен был на запорожский Кош с письмом к запорожскому войску от кызыкерменского бея. В этом письме бей ставил на вид низовому войску то, что еще в прошлом году он отпустил «на совесть» в Сечь четырех человек запорожских невольников – Шоха, Янка Молчаненка, Еська Стряпченка и одного старого человека – да в текущем году казака Незамайковского куреня Степана Кулька. Из этих казаков кто обещал за себя уплатить хлебом, кто людьми – татарами, кто талерами, но и до сих пор, однако, никто из них не дал окупа за себя: Шох обещал две бочки муки и одну бочку пшена; Молчаненко обещал вернуть за себя турчина, взятого в двух судах на реке Днепре; Стряпченко учинил присягу своему хозяину турецкого полоняника за себя прислать; Степан Кулько обещал уплатить 150 талеров за свободу свою; а за старого казака полоняника товарищи его обещали 8 бочек муки прислать, но ни один из них не исполнил вполне обещания своего. Напротив того, Яцко Молчаненко, явившись в Кош к бывшему тогда кошевому атаману Григорию Сагайдачному, занес на кызыкерменского бея жалобу, и тогда после того турецкие люди приехали в Сечь, то кошевой атаман приказал взять для Яцка Молчаненка на 40 талеров товару у них и через тех же купцов велел к самому бею отписать, чтоб его люди впредь не смели ездить в Сечь. Поэтому кызыкерменский бей нового кошевого атамана Филона Лихопоя просил приказать всем названным четверем казакам, выпущенным «на совесть» из полона в Сечь, весь обещанный ими выкуп полностью уплатить, за что, в свою очередь, обещал промышлять о том, чтобы другим запорожским невольникам по откупу свободу дать. «А Игнатий Яцко взял у нашего человека торгом несколько кожухов и новых товаров и те вели заплатить, и если какой-нибудь

⁸¹ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.

⁸² Между ними были: Зима, Микитин, Яковенко, Федоренко, Мартыненко, Петров, Кононенко, Лукьяненко, Руденко, Барлитенко, Жданенко.

наш полоняник пообещает выкуп за себя, отпусти его на совесть к нам, и я велю обещанный им выкуп заплатить»⁸³.

Для полного оправдания себя перед гетманом Мазепой кошевой атаман Филон Лихопой отправил ему и самое письмо, которое прислал кызыкерменский бей.

После этого гетман Мазепа, убежденный доводами запорожских казаков относительно неизменной верности их московским царям, принял с лаской посланцев их Ивана Лотву да Макара Донского с их товарищами и, выбрав из них «лучших 10 человек»⁸⁴, отправил всех с письмом к великим государям и к князю Василию Голицыну в Москву. Иван Лотва и Макар Донской прибыли в Москву августа 10-го числа, когда в ней находились еще Кузьма Порывай и Иван Шумейко.

Те и другие запорожские посланцы были милостиво приняты в Москве, получили там обыкновенное царское жалованье, кроме того, особо, ради праздника Успения Пресвятой Богородицы, праздничное жалованье и отпущены были на Сечь.

Вместе с ними посланы были две царские грамоты, к гетману Ивану Мазепе и к кошевому Филону Лихопю. В грамоте к кошевому атаману Лихопю запорожцы похвалялись за верную великим государям службу и извещались вместе с тем о том, что им, по челобитью гетмана Ивана Степановича Мазепы, через особо присланных из Сечи запорожских казаков, Якова Костенка и товарищей его, отправлено августа 14-го дня обыкновенное и прибавочное жалованье на Кош. За то войско запорожское должно верно и радетельно великим государям служить, всякий воинский промысл над неприятелями креста Господня чинить, всякие о нем сведения гетману Ивану Степановичу Мазепе доставлять, в совете и в послушании по прежнему обыкновению с ним быть⁸⁵.

Августа 17-го дня все запорожские посланцы, как Кузьма Порывай и Иван Шумейко, так Иван Лотва, Макар Донской и Яков Костенко, оставили Москву и направились на Тулу и оттуда на малороссийские города. При этом Костенку с товарищами отпущено было 40 подвод, Лотве с товарищами 8, Порываю с товарищами 5 подвод. Подарков атаманам дано на человека по шести рублей, по сукну аглинскому, по тафте, по паре соболей в два рубля каждая пара; кроме того, поденного корма на дорогу. Особо велено было послать оставшимся в городах малороссийским запорожским атаманам по сукну анбургскому, мерой полпята аршина⁸⁶.

Пока названные запорожские посланцы успели доехать из Сечи в Москву и вернуться из Москвы в Сечь, тем временем началась постройка городка на реке Самаре, столь желательная для Москвы и столь же нежелательная для запорожского войска. Главная крепость основана была «на русской стороне реки, оподаль от Днепра»⁸⁷. Она заложена была весной, в марте месяце, и «совершенное восприяла бытие свое в первых числах августа» 1688 года. Строителем ее был инженер-полковник («немчин») фон Зален («Фонзалин»), присланный для той цели на Самару из Москвы. Непосредственными начальниками при построении были: гетман Иван Мазепа, воевода Леонтий Романович Неплюев и Григорий Иванович Косагов. Внутри крепости сооружена была деревянная во имя Пресвятой Богородицы церковь, заложена апреля 23-го дня в пятницу на Святой неделе, на праздник живоносного источника, освященная августа 1-го дня. От этой церкви и самая крепость названа была Новобогородицкой. Кроме церкви в крепости были возведены и другие здания: двор для воеводы, 260 просторных с сенями изб, в том числе одна изба приказная и три избы воеводские, из коих некоторые были перевезены в крепость с острова Кодака; 2 пороховых погреба, 1 ледник и 1 баня, рубленные; 17 раскатов

---

⁸³ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.

⁸⁴ Остальных 50 человек гетман, уплатив им из войсковой казны, отослал в Сечь назад.

⁸⁵ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Величко. Летопись. К., 1855, III, 61.

пушечных по городу; 17 для полковых припасов сараев плетеных, в том числе три сарая из байдачных досок; 7 дворов с шестью избами (в том числе две светлицы) гетмана Мазепы, генеральной малороссийской старшины и полковников «для хлебных опрятов». Строителями всех этих зданий были люди полков Косагова, Неплюева, царские стрельцы и малороссийские гетмана Мазепы казаки. С наружной стороны крепости назначен был инженер-полковником особый посад и вокруг посада сделана была валовая крепость с семнадцатью выводами; кругом валовой крепости выкопан был ров шириною с одной стороны от поля, пол-третьи, с другой – $1\frac{1}{2}$ сажени, глубиною от реки Самары $1\frac{1}{2}$ сажени и столько же с другой стороны: на проездах этой крепости поделаны были рвы мощные; через рвы наброшены мосты с надолбами, а внизу сваи вбиты деревянные. Кругом та крепость валовая имела 1641 сажень. Самый город вокруг имел земляного окопу 600 сажен, в подошве 18 сажен; высота его валов до щита заключала в себе 2 сажени; высота щита извне $\frac{1}{2}$ сажени, изнутри 1 сажень, глубина рва – 3 сажени⁸⁸.

В крепость назначен был воевода и целый штат служилых лиц при нем: дьяк, подьячий, аптекарь с лекарствами, голова, целовальник на кружечный двор и струговые мастера. Число войска по росписи должно было быть: рейтар, копейщиков и солдат 4491 человек, но налицо состояло 4014 человек. Всем рейтарам, копейщикам и солдатам назначено было определенное денежное и хлебное жалованье (рожь, мука, сухари, рыбий жир, пшено, соль, овсяная мука, или толокно, крупа гречневая), которое перевезено было в крепость частью из Киева, а большей частью с острова Кодака⁸⁹.

Посад крепости был заселен великороссийскими и малороссийскими поселенцами. Поселенцам велено было садиться за валом на посаде с правом торговать разными товарами, медом и водкой в кабаке, и в сентябре месяце того же года здесь поселена была тысяча семейств из разных малороссийских полков; а в октябре месяце один из обывателей крепости доставил в Москву к царскому столу в подарок «виноград в патоке». Как ратным людям, так и поселенцам предписано было особой царской грамотой не причинять никаких обид и утеснений кодачанам, севрюкам и запорожцам, если они пожелают завести поселки вверх и вниз по реке Самаре ради промыслов, охранять их пасеки и не мешать их промыслам⁹⁰.

Воеводой крепости определен был сперва Константин Малиев, но гетман Мазепа нашел Малиева слишком тихим человеком («он человек есть в слове зело тих») и потому временно сдал крепость думному дворянину Григорию Ивановичу Косагову, которого потом последовательно сменили Иван Федорович Вольшский⁹¹ и дьяк Иван Иванович Ржевский⁹².

Кроме возведенной крепости гетман Мазепа проектировал построить еще другую при устье речки Быка, впадающей в реку Самару. «То место смежно с шляхами, которыми ходят басурмане-татары под города царского величества и если посадить в ту крепость людей, то от той сторожи никто не мог бы скрыться и пробраться тайно в города»⁹³.

По окончании работ прислан был для осмотра города «знатный посланный царский» стольник Борис Васильевич Головин с похвальной грамотой и с наградами Мазепе, малороссийской старшине и полковникам⁹⁴. Гетман Мазепа получил «многоценный» подарок «кафтан

⁸⁸ Архив Мин. ин. дел, мал. подл, акты, 1688–1689, св. 77, № 86; Собрание госуд. грам, и догов., IV, 605; Величко. Летопись. К., III, 61.

⁸⁹ Роспись того и другого см. в означенных малорос, актах.

⁹⁰ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 77, № 86.

⁹¹ У Костомарова (Мазепа, 1885, 16) вместо Вольшского назван почему-то воеводой Волконский; во всех современных актах он называется Вольшским.

⁹² Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1689, № 86, 87.

⁹³ Там же, подл, акты, 1688, св. 77, № 86.

⁹⁴ Величко. Летопись. К., 1855, III, 61.

байберек золотой с пуговицами и алмазами» и 800 рублей денег⁹⁵, а старшина и полковники были одарены атласами («объярами»), камками («байбереками») и соболями⁹⁶.

Гетман, получив «дорогоценный» подарок, выразил князю Голицыну свою глубокую благодарность и обещал верно служить и всякого добра желать великим государям, не щадя здоровья своего, «до тех пор, пока будет дух в теле его». «А дело (построение крепостей), которое в прошлом году нам на статейных выписках, ваша княжеская вельможность, изволил подать, нынешним летом, в первых числах августа совершенное восприяло бытие; это богоугодное дело, то-есть построение на Самаре крепости, сделано не только к расширению государственной державы и к умножению монаршеской на весь мир славы, на страх и утеснение басурман, на защищение и оборону христианско-православного народа, но и на крепкий выuzданный своеволи непостоянных людей мунштук»⁹⁷.

По окончании построения крепости гетман Мазепа и окольный Неплюев разъехались восвояси – первый в Батурин, второй в город Севск⁹⁸.

Вынужденные против воли признать необходимость построения крепости на реке Самаре, запорожцы не переставали, однако, высказывать свое неудовольствие по этому поводу и вскоре после окончания построения города написали гетману Мазепе письмо с укоризной за появление в запорожских вольностях московской крепости, за бездеятельность его в отношении врагов православной веры, басурман, за удержание у себя следуемых войску запорожскому хлебных запасов и за недопущение в Сечь малороссийских ватажников с разными продуктами.

«Уже раньше этого мы писали через батуринского сотника Дмитрия Нестеренка к вашей вельможности, сообщая вам о следующем: мы ожидали от вашей милости, что, изготовивши полки вашего регимента, вы со всеми вашими городовыми войсками и полками учините настоящим летом мужественный с неприятелем бой; но ныне видим, что то войско стоит даром и собрано оно только для основания города, да и город так разумеем, как нужно, что он не особенно нужен и не для чего его было там строить, разве только для убытка, удержания и умаления Нам, войску, а не для убытка и ущерба неприятеля. И было бы достойнее вашей вельможности, если бы вы, как мы писали, вместе с монаршескими силами, предприняли войну и пошли на неприятеля креста святого и, разбив укрепленные городки и замки его, в тех готовых городках владение свое установили. Тогда б славнее была бы и наша жизнь, и всего народа христианского малороссийского утвердилось бы житие, слава в соседних государствах и монархиях возросла б. А неприятель, видя то, принужден был бы падать духом, чрез что все давния казацкие стежки и дороги водяным путем были бы протоптаны, неприятелям была бы немалая досада и утеснение. Тогда б мы имели в Бозе такую надежду, что силы неприятельские не могут устоять против войск монаршеских... А как раньше писали мы относительно ватаг и людей торговых, что зело тому удивляемся и крепко на то жалуемся, ничего не зная, ради каких причин в течение всего лета не пропускают ни к нам ватаг и торговых людей, ни от нас никого из казаков, так что добывши рыбу, нам некому ее и продать. И подлинно уже в течение трех лет мы в таком положении. А ваша вельможность, став на собинном уряде гетманом, уже в то время обещали войску быть нам желательным всегда и надлежаще удовлетворить нас, ватаги к нам пропускать, борошно в обыкновенное время давать; однако, вот уже около двух лет, как борошна нам нет; о других неприятностях мы и не упоминаем, – о том ведает только Бог. Чего ради Ныне изволь, ваша вельможность, приказать, чтобы к нам были пропускаемы и на перевозах не были задерживаемы ни ватаги, ни общие охотники; об этом мы все тебя, как региментаря, просим: не изволь забывать нас, как истинных слуг своих. Подлинных вестей о

---

⁹⁵ Бантыш-Каменский. Источники. М., 1859, II, 17.

⁹⁶ Архив Мин. ин. дел, подл, акты, 1688, св. 77, № 86.

⁹⁷ Там же, мал. подл, акты, 1688, св. 77, № 86.

⁹⁸ Там же.

поведении неприятельском последнего времени мы никаких не имеем; только выходцы передают, что часть орды, в числе нескольких тысяч, с султанами пошла под слободы или под Камень-Подольский – точно не знаем. Подав милость и рассуждение обо всем, предаемся с нижайшим поклоном. С Коша августа в 24 день 1688 года. Вельможности вашей, благодетеля нашего, всего блага истинно желательные и к службе готовые Хвилонко Лихопой, атаман кошевый войска их царского пресветлого величества запорожского низового с товариством»⁹⁹.

В более резкой форме выразили запорожцы свое негодование по поводу построения Новобогородицкой крепости в письме к воеводе Григорию Косагову. По отходе из Новобогородицка гетмана Мазепы и воеводы Неплюева в крепости оставлен был с войском воевода Григорий Косагов, и ему приказано было от царей и гетмана Мазепы отправить в Сечь посланцев и через них объявить запорожскому войску о намерении совместного с запорожцами чинення воинских промыслов против неприятелей. На такое заявление кошевой атаман Филон Лихопой со всем товариством запорожских низовых казаков послал воеводе письмо, исполненное жестоких укоризн за отнятие у войска привольев на реке Самаре.

«Лист ваш, который вы прислали к нам сентября 12-го дня через ваших посланных, мы получили. В этом листу вы извещаете нас о том, что, по указу государскому, по отшествии к городам окольничего Леонтия Романовича Неплюева и его милости господина гетмана, ваша милость оставлены в том новом городе с войсками для промысла против хана и его орд. Но вы во всех ваших листах пишете об этом, толкуя только на словах, а не на деле о промысле, тогда как вам тою войною совсем не для чего хвалиться и писать об ней, точно мы ничего того не знаем. А мы хорошо знаем, что не через кого иного, только через совет ваш и пуца наша вековечная и пасека разорена, а город тот, который теперь построен, вовсе не есть то город, а один учиненный смех, вы оглянитесь только назад, и увидите, что всех тех, кто хотел лишить нас наших вольностей и умалить нашу войсковую честь, всех тех встретила хула и пагуба. Остерегайтесь же, чтобы и вас не постигло то же, что постигло бывшего гетмана. Как тогда было наказание от Господа Бога, так и теперь Господь Бог все то взыщет на душах ваших. И вы не старайтесь причинять обиды и притеснения товариству ни тем, которые в Кодацкой крепости, ни тем, которые в Самаре»¹⁰⁰.

Ввиду предстоявшей борьбы русских с басурманами и ввиду трудности самого дела и гетману Мазепе, и воеводе Косагову ничего не оставалось делать, как держать себя на мирной ноге в отношении запорожских казаков и отвечать им на их письма в добром и успокоительном тоне.

Сентября 12-го дня гетман Мазепа послал запорожцам длинное письмо и, называя их «милыми приятелями и братьями», сообщал им о том, что великие государи как хранили раньше, так и всегда хранят запорожское войско в милостивом призрении и, по челобитью войска, а по прилежному прошению гетмана, повелели выдать казакам монаршеское годовое жалованье «с прибавочным своим милостивым дарованием». Это жалованье, по монаршему указу, велено было послать через «знатную особу» из полка думного дворянина Григория Ивановича Косагова; по особенному же к запорожцам вниманию гетман, ради сохранения и целости казны той, отправил от себя батурина сотника Нестеренка. Гетман надеется, что «добрые молодцы», приняв то милостивое жалованье, отдадут великим государям «покорное» челобитье и покажут себя достойными царской награды: «Так как чин ваш рыцарский не для чего иного, как только для творения над неприятелями креста святого военного промысла, и то вам утеха и похвала, что вы басурман неприятелей побуждаете и тем Нам, наследникам своим, чуть ли не на весь свет имя доброе стяжаете, то не пренебрежите, ради дел рыцарских, сколько Бог подаст вам силы и помощи, и чините над неприятелем радение... Да и мы, гетман,

---

⁹⁹ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 77, № 86.

¹⁰⁰ Архив Мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 77, № 86.

при богохранимых монаршеских силах, гулять не будем, станем поступать сообразно нашей должности, не будем щадить трудов и работы над теми всего христианства неприятелями. И в этом ваша милость, все будьте совершенно надежны, потому что, хотя пресветлые монархи наши нынешним летом всех своих силе на войну против неприятелей, кроме нескольких полков, и не выводили, однако на будущее время они не оставят того намерения, которое уже предпринято»¹⁰¹

---

¹⁰¹ Там же, 1688–1689, с. 77, № 86.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.